

Совет по правам человека

Двадцать пятая сессия

Пункт 4 повестки дня

**Ситуации в области прав человека,
требующие внимания со стороны Совета****Доклад независимой международной
комиссии по расследованию событий
в Сирийской Арабской Республике****Резюме*

Настоящий доклад независимой международной комиссии охватывает ее расследования, проведенные с 15 июля 2013 года по 20 января 2014 года. Ее выводы основаны на результатах 563 бесед и других собранных доказательствах.

В Сирийской Арабской Республике более 250 000 человек находятся в осадном положении и подвергаются беспрестанным обстрелам и бомбардировкам. Они лишены доступа к гуманитарной помощи, продовольствию и таким предметам и услугам первой необходимости, как медицинская помощь, и вынуждены выбирать: либо сдаться на милость победителя, либо умереть с голоду. Осадная война ведется в условиях вопиющих нарушений прав человека и норм международного гуманитарного права. Воюющие стороны не боятся, что их привлекут к ответственности за их действия.

Масштабы и география нарушений, совершенных правительственными войсками и проправительственным ополчением, а также негосударственными вооруженными группами, варьируются в зависимости от конкретных видов нарушений.

* Приложения к настоящему документу воспроизводятся в том виде, в каком они были получены, только на языке оригинала.

Правительственные войска и проправительственное ополчение продолжают осуществлять широкомасштабные нападения на гражданских лиц, систематически совершая преступления против человечности в форме убийств, пыток, изнасилований и насильственных исчезновений. Правительственные войска совершают грубые нарушения прав человека и военные преступления, связанные с убийствами, захватами заложников, применением пыток, изнасилованиями и сексуальным насилием, вербовкой и использованием детей в военных действиях, а также со снайперскими обстрелами гражданских лиц. Правительственные войска игнорировали ту особую защиту, которой пользуются больницы, медицинские и гуманитарные работники и объекты культурной собственности. Алеппо подвергался широкомасштабным бомбардировкам с применением бочковых воздушных бомб, которые сбрасывались на целые районы и терроризировали гражданское население. Правительственные войска применяли зажигательное оружие, причиняя чрезмерные повреждения и излишние страдания в нарушение норм международного гуманитарного права. Неизбирательные и несоразмерные воздушные бомбардировки и обстрелы провоцировали широкомасштабные произвольные перемещения. Правительственные войска и проправительственное ополчение совершали массовые расправы.

Называемые в докладе негосударственные вооруженные группы совершали военные преступления, включая убийства, казни без надлежащего судебного разбирательства, применение пыток, захваты заложников, нарушения норм международного гуманитарного права, равнозначные насильственным исчезновениям, изнасилованиям и сексуальному насилию, вербовку и использование детей в военных действиях, нападения на пользующиеся защитой объекты и принудительные перемещения гражданских лиц. Их мишенями становились медицинские работники, духовный персонал и журналисты. Вооруженные группы осаждали и неизбирательно обстреливали районы проживания гражданского населения, а в некоторых случаях сеяли ужас среди мирных жителей, взрывая автомобили в этих районах. В Эр-Ракке массовые задержания гражданских лиц и систематическое применение к ним пыток со стороны установленных вооруженных групп были равнозначны преступлению против человечности. Негосударственные вооруженные группы совершали массовые расправы.

Было установлено неоднократное применение во время конфликта химического оружия, в частности зарина. Ни в одном из случаев комиссия не собрала достаточную доказательную базу в отношении того, кто применял это оружие.

Государства, оказывающие влияние на стороны в Сирийской Арабской Республике, должны принять меры к тому, чтобы эти стороны соблюдали нормы международного гуманитарного права. Совет Безопасности несет ответственность за то, что воюющие стороны имеют возможность безнаказанно нарушать эти нормы.

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
I. Введение.....	1–6	4
А. Вызовы.....	2–3	4
В. Методология.....	4–6	4
II. Динамика развития конфликта.....	7–19	4
А. Правительственные войска и проправительственное ополчение.....	11–13	5
В. Негосударственные вооруженные группы.....	14–19	6
III. Нарушения, касающиеся обращения с гражданскими лицами и комбатантами, не участвующими в боевых действиях.....	20–84	7
А. Массовые расправы и другие незаконные убийства.....	20–33	7
В. Произвольные аресты и незаконные задержания.....	34–40	9
С. Захват заложников.....	41–46	10
D. Насильственные исчезновения.....	47–50	11
E. пытки и неправомерное обращение.....	51–61	12
F. Сексуальное и гендерное насилие.....	62–71	13
G. Нарушения прав детей.....	72–84	15
IV. Нарушения, касающиеся ведения боевых действий.....	85–150	16
А. Незаконные нападения.....	85–106	16
В. Пользующиеся особой защитой лица и объекты.....	107–126	20
С. Применение незаконного оружия.....	127–131	22
D. Осады и экономические, социальные и культурные права.....	132–143	23
E. Произвольные и принудительные перемещения.....	144–150	26
V. Выводы и рекомендации.....	151–163	27
А. Выводы.....	151–155	27
В. Рекомендации.....	156–163	29
Приложения		
I. Correspondence with the Government of the Syrian Arab Republic.....		31
II. Political and humanitarian context.....		35
III. Specific mandate on massacres.....		38
IV. Without a trace: enforced disappearances in Syria.....		41
V. Government detention centres.....		52
VI. Use of barrel bombs.....		56
VII. Assaults on medical care.....		61
VIII. Map of the Syrian Arab Republic.....		69

I. Введение

1. В настоящем докладе, представленном во исполнение резолюции 22/24 Совета по правам человека, независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике излагает свои выводы, которые основаны на расследованиях, проведенных с 15 июля 2013 года по 20 января 2014 года¹. Настоящий доклад следует рассматривать совместно с предыдущими докладами комиссии².

A. Вызовы

2. Расследования Комиссии по-прежнему серьезно ограничивает отказ предоставить доступ в Сирийскую Арабскую Республику.
3. Переписка между Постоянным представительством Сирийской Арабской Республики и комиссией прилагается к настоящему докладу (см. приложение I).

B. Методология

4. Комиссия использовала стандартную методологию, основанную на практике комиссий по расследованию и на деятельности по расследованию нарушений прав человека. Комиссия опиралась прежде всего на сведения, полученные "из первых рук".
5. Информация, содержащаяся в настоящем докладе, основана на результатах 563 бесед, проведенных в регионе и из Женевы. За период с сентября 2011 года комиссия провела в общей сложности 2 648 бесед. Были собраны и проанализированы фотографии, видеозаписи, материалы спутниковой съемки и медицинские отчеты. Расследование охватывало сообщения, поступавшие от правительств и из неправительственных источников, результаты экспертных анализов и доклады Организации Объединенных Наций.
6. Критерий доказывания считается соблюденным, если комиссия имеет разумные основания полагать, что происшедшее событие соответствует его описанию.

II. Динамика развития конфликта

7. Конфликт в Сирийской Арабской Республике нарастает по степени своей интенсивности и масштабам, поскольку воюющие стороны активизировали усилия с целью укрепить свои переговорные позиции перед началом конференции "Женева-II". Несмотря на достигнутые правительством краткосрочные тактические преимущества, военные действия зашли в тупик, когда вся страна и стороны несут серьезные людские и материальные потери. Боевые действия, которые особенно ожесточенно ведутся вокруг крупных городов и вдоль главных линий коммуникаций, сопровождались использованием более жестоких тактических методов и средств. Правительство широко опиралось на превосходство в огневой мощи его военно-воздушных сил

¹ В состав Комиссии входят Паолу Сержиу Пиньейру (Председатель), Карен Кёнинг Абу-Заяд, Витит Мунтарбхорн и Карла дель Понте.

² S-17/2/Add.1, A/HRC/19/69, A/HRC/21/50, A/HRC/22/59, A/HRC/23/58 и A/HRC/24/46.

и артиллерии, а неправительственные вооруженные группы все чаще прибегали к таким методам ведения "асимметричной войны", как террористические акты, совершаемые смертниками, и применение самодельных взрывных устройств.

8. Война приобретает крайне фрагментарный и локализованный характер, и возникают многочисленные линии фронта между различными сторонами, приоритеты которых могут меняться. Эти столкновения, которые в основном направлены на решение ограниченных краткосрочных задач, обусловлены главным образом местными оперативными и социально-экономическими особенностями, а не более широким контекстом конфликта. В ходе военных действий в северо-восточных провинциях отряды курдов ведут борьбу с радикальными исламскими вооруженными группами в рамках отдельного самостоятельного конфликта, имеющего свои собственные линии фронта и свою внутреннюю военную динамику. Общины в центральных провинциях во многих случаях достигали договоренности о прекращении огня на местном уровне.

9. Внешние факторы все сильнее влияют на ход конфликта. Выступая за политическое решение, международные заинтересованные стороны, тем не менее, продолжали оказывать воюющим сторонам финансовую и логистическую поддержку с целью повлиять на исход конфликта в соответствии с их собственными интересами. Частные доноры и посредники из данного региона играли важную роль в поддержке конкретных вооруженных групп или оперативных центров, проводя с помощью социальных сетей кампании по сбору средств. Между тем к военным действиям присоединились тысячи иностранных боевиков, которые выступают либо официально в поддержку правительства, либо тайно в поддержку вооруженных групп, и их состав и настрой придают данному конфликту конфессиональное измерение.

10. Межконфессиональный раскол стал более очевидным и вышел за пределы границ Сирийской Арабской Республики, неся угрозу безопасности и стабильности в соседних странах. Опасность дальнейшей дестабилизации в регионе является реальной и вызывает серьезное беспокойство.

A. Правительственные войска и проправительственное ополчение

11. Правительственные войска отвоевали несколько стратегических районов, применив мощные огневые средства, систематически привлекая нерегулярные силы и еще шире используя иностранные силы. Сохраняя под своим контролем большинство ключевых городских центров и линий коммуникаций, они угрожали опорным пунктам вооруженной оппозиции в Дамаске и Алеппо. Однако им не удалось восстановить реальный контроль над теми территориями, которые ранее захватили вооруженные группы.

12. Численность проправительственных нерегулярных сил, как военизированных групп, так и отрядов ополченцев, и масштабы их прямого участия в боевых действиях возрастали. Помимо Сил национальной обороны в своих районах продолжали действовать вооруженные отряды партии Баас, народные комитеты и группы "Шабиха", которые все чаще оказывали на регулярной основе поддержку военным. Правительство использовало также поддержку иностранных боевых формирований, в частности боевиков движения "Хезболла" и иракских ополченцев, особенно в ходе операций, имевших критическое значение.

13. В рамках своей стратегии, направленной на ослабление повстанцев и на сломление духа поддерживающих их жителей, правительственные войска осадили несколько населенных пунктов, подкрепляя эту стратегию мощными и продолжительными обстрелами. В нескольких случаях частичная осада в целях вытеснения вооруженных групп превратилась в полную блокаду, которая препятствовала поставкам средств первой необходимости, включая продовольствие и лекарства, в рамках кампании под лозунгом "Будем морить голодом, пока не сдадутся".

В. Негосударственные вооруженные группы

14. По мере углубления конфликта негосударственные вооруженные группы, объединяющие все антиправительственно настроенные вооруженные группы, постоянно перезаключали между собой альянсы и занимались внутренними разборками. Их разрозненность свела на нет инициативы по их объединению под единым командованием с четкой структурой и ясной стратегией. Сохраняющиеся идеологические, политические и социальные расхождения приводили к занятию ими разных, а порой и антагонистических позиций.

15. Связи между вооруженными группами улучшились по всей стране, что позволило создать постоянные или временные механизмы координации и согласования действий, включая коалиции и оперативные центры. Эти новые альянсы были основаны на общности тактических целей и идеологии, на давлении со стороны внешних покровителей или просто на оперативной необходимости. В этом контексте местные исламские коалиции, например Исламский фронт, оттесняют в сторону не имеющие соответствующей идеологии и умеренные группы частично вследствие того, что финансовая поддержка, оказываемая определенными правительствами и их гражданами, является избирательной.

16. Для описания этого сложного ландшафта негосударственные вооруженные группы можно разбить на четыре широкие, но неисчерпывающие категории:

- сирийские умеренные националисты, которые входят в альянс вооруженных групп, присоединившихся к получающему международную поддержку Высшему военному совету, ведут борьбу с правительством и призывают к созданию демократического и плюралистического государства. В их число входят также умеренные исламские группы и вооруженные группы, которые решают местные задачи, ограничивающиеся чаяниями их общин;
- сирийские исламские вооруженные группы, объединяющие боевиков в целях свержения правительства и выступающие за установление закона шариата в рамках исламского государства в стране. В эту категорию входят боевики, представляющие широкий спектр идеологий ислама;
- радикальные джихадистские группировки, включая два основных подразделения "Аль-Каиды" – "Джебхат-ан-Нусра" и "Исламское государство Ирака и Аш-Шама" (ИГИШ), набранные из числа салафистских джихадистских боевиков, со значительной долей и влиянием иностранных боевиков. Между этими двумя группировками нарастает раскол, поскольку первая группировка наряду с другими группами повстанцев по-прежнему принимает участие в боях с правительственными войсками, а группировка ИГИШ стала уделять

приоритетное внимание упрочению своего контроля над захваченной ею территорией, защищая ее от всяких посягательств;

- курдские вооруженные группы, в основном бойцы Курдского народного ополчения (КНО), которые взяли на себя защиту своей территории и управление ею, воспользовавшись единством своего командования, дисциплинированностью своих членов и народной поддержкой. Они усилили свой контроль над курдскими районами, вступив в борьбу с другими вооруженными группировками, в частности с подразделениями "Аль-Каиды" в провинциях Алеппо, Эр-Ракка и Аль-Хасеке.

17. Перемежевания в идеологической ориентации и политических амбициях, а также постоянная индивидуальная и массовая миграция между тремя первыми группами затрудняют линейное или четкое разграничение этих трех категорий. Борьба за сохранение логистических ресурсов, в частности финансирования, стала наиболее важным движущим фактором структурных и оперативных изменений среди групп повстанцев. Во многих случаях вступление в какую-либо вооруженную группу или коалицию является в большей степени вопросом выживания, чем настоящей идеологической мотивации.

18. В этой запутанной ситуации между группами повстанцев из всех категорий усиливаются внутренние распри в борьбе за контроль над территориями и ресурсами, включая дороги, пограничные пропускные пункты, маршруты контрабандистских перевозок и природные ресурсы. Недавно долго тлевший конфликт между ИГИШ и другими группами повстанцев, включая Исламский фронт, вылился в ожесточенные боестолкновения на территории северных и северо-восточных провинций.

19. К настоящему докладу прилагается описание нынешней политической и гуманитарной обстановки (см. приложение II).

III. Нарушения, касающиеся обращения с гражданскими лицами и комбатантами, не участвующими в боевых действиях

A. Массовые расправы и другие незаконные убийства³

1. Правительственные войска и проправительственное ополчение

20. В нарушение общей статьи 3 Женевских конвенций правительственные войска продолжают незаконно убивать лиц, которых они считают потенциальными врагами, включая гражданских лиц и комбатантов, не участвующих в боевых действиях. В окрестностях Дамаска правительственные войска ужесточили блокаду контролируемых оппозицией районов, применяя тактику все более жестоких действий против всех, кто, по их мнению, представляет для них угрозу. Сирийские войска вне Муадамии и Дарай убивали людей, проходивших через контрольно-пропускные пункты. Такие убийства были задокументированы на контрольно-пропускном пункте 4-й дивизии вблизи аэропорта "Мезза", а также на контрольно-пропускных пунктах в Суммарии и Сахнаи.

³ См. также приложение III.

21. Бедуины, особенно племена джамлан, харб, абада и наим, подвергались нападениям из-за их предполагаемых связей с вооруженной оппозицией. 29 июля 2013 года три бедуина были арестованы и казнены правительственными войсками недалеко от военного аэропорта "Блей" в южной части Дамаска. 7 августа военнослужащие сирийской армии, осуществлявшие патрулирование в Аль-Битарии, обстреляли двух безоружных бедуинов. В начале сентября три бедуина были застрелены в упор на контрольно-пропускном пункте, расположенном между восточной частью Гуты и международным аэропортом Дамаска.

22. Правительственные войска нападали на больных и раненых, особенно на мужчин, обращавшихся за медицинской помощью, полагая, что их ранения подтверждают их участие в боевых действиях. В середине сентября лица, проходившие в больнице "Мовасат" курс лечения в связи с травмами, не угрожавшими их жизни, были найдены мертвыми после посещения больничных палат военнослужащими. Одного из родственников, который встретил солдат, попросили предъявить документы и застрелили после того, как узнали о его родственных связях с жертвами. 24 октября боевики Свободной сирийской армии (ССА), сопровождавшие конвой с ранеными гражданскими лицами и бойцами из Ан-Нашабеи, попали в засаду. Военнослужащие 22-й бригады напали на них и в упор расстреляли раненых.

23. В ходе кампании, проводившейся с целью отвоевать провинцию Хомс, правительственные войска совершали незаконные убийства. В середине июля в Аль-Фурклусе военнослужащие 18-й дивизии на регулярной основе задерживали и убивали внутренне перемещенных лиц из восточной части Хомса. 21 июля правительственные войска при поддержке ополченцев "Шабиха" ворвались в Сухну на востоке Хомса и стали обыскивать дома, застрелив при этом восемь гражданских лиц. Во время Рамадана правительственные войска провели обыски жилых домов и аресты в Хоуле. Тела людей, арестованных во время этих облав, были позднее выданы их родственникам.

24. Правительственные войска продолжают контролировать большую часть провинций Хама. 7 августа правительственные войска, поддерживаемые Силами национальной обороны, убили мужчину на контрольно-пропускном пункте вблизи Аль-Джаиды. В конце сентября ополченцы "Шабиха" ворвались в один из домов в Джалме и убили там дезертира.

2. Негосударственные вооруженные группы

1. Убийства, квалифицируемые как военные преступления

25. Два 15-летних подростка, похищенные 26 июня вблизи Нубула (Алеппо), были казнены 11 августа 2013 года в Майере после того, как не были выполнены требования Эмира ИГИШ в Таль-Рифаате и Азазе. Их тела были изуродованы практически до неузнаваемости. Видеозапись казни была размещена в Интернете. В сентябре боевики ИГИШ напали на штаб бригады "Северный шторм" и тюрьму в Джебель-Барсае, казнив одного из заключенных.

26. Фермеров-алавитов из долины Аль-Габ (Хама) неоднократно похищали и убивали вооруженные группы, совершавшие вылазки из прилегающих суннитских деревень. С мая 2013 года несколько фермеров, работавших в поле, были застрелены.

27. Негосударственные вооруженные группы устраивали казни захваченных в плен военнослужащих. Захватив 4 сентября правительственный военный контрольно-пропускной пункт, расположенный в 2 км от Маалулы (район Дамаска), боевики вооруженных групп взяли в плен и казнили размещенных там военнослужащих. 7 сентября боевики ворвались в дом на улице Мар-Саркис. Они не тронули женщин и престарелых, но вывели на улицу трех мужчин и застрелили их.

28. С июля боевики "Джабхат-ан-Нусры", координируя иногда свои действия с другими вооруженными группировками, совершили целый ряд убийств курдских гражданских лиц в Аль-Юссуфии, Камишли и Аль-Асадии (Аль-Хасеке). Во время рейда, совершенного боевиками ИГИШ, "Джебхат-ан-Нусры", Исламского фронта и ССА в Аль-Асадии, они убили курда-езида, отказавшегося принять ислам.

2. Убийства, квалифицируемые как военные преступления: казни без надлежащего судебного разбирательства

29. Устанавливая свой контроль над районами в северо-восточной части Сирии, некоторые вооруженные группы проводили публичные внесудебные казни в нарушение гарантий справедливого судебного разбирательства и вопреки общей статье 3 Женевских конвенций. В конце августа военнослужащие бригады "Северный шторм" казнили на городской площади Азаза (Алеппо) мужчину, личность которого не установлена.

30. В середине сентября близкие к ССА батальоны "Объединение Ахрар-Нава" вошли в Наву (Деръа) и захватили трех военнослужащих правительственных сил. Их допросили, чтобы установить, участвовали ли они в "кровопролитии", а затем казнили без какого-либо судебного разбирательства.

31. 7 октября во время нападения на правительственный контрольно-пропускной пункт в Джиср-аш-Шугхуре (Идлиб) боевики бригады "Ас-Саика" ССА взяли в плен одного военнослужащего. Они захотели узнать, как им следует поступить по закону шариата. Тот, к кому они обратились, рекомендовал им казнить этого военнослужащего, заявив, что "сдающихся после пленения надлежит убивать".

32. В октябре в Биннише (Идлиб) боевики бригады "Ахрар-аш-Шам" захватили человека, который, предположительно, организовывал взрывы автомобилей. С целью получения признательных показаний этот человек был допрошен и избит, а затем казнен после суммарного судебного разбирательства, проведенного "судьями дезертиров".

33. В сентябре боевики "Джебхат-ан-Нусры" и ИГИШ провели публичные казни в Таль-Абяде (Эр-Ракка). Вооруженные группы проводили такие казни в подтверждение своего присутствия после захвата какого-либо района и в целях запугивания населения.

В. Произвольные аресты и незаконные задержания

1. Правительственные войска и проправительственное ополчение

34. Правительственные войска производили произвольные аресты во время или сразу после наземных операций. В период с июля по сентябрь 2013 года правительственные войска произвели серию арестов на территории провинции Хомс в Аль-Карятайне, Хоуле, Карм-аз-Зейтуне и Девайере, а также в Синджаре

(Идлиб) в июле, Ад-Джалме (Хама) в ноябре и в Бейт-Джине (пригород Дамаска) и Кафр-Шамсе в сентябре. Разыскивались мужчины и подростки, хотя задерживали также детей, женщин и престарелых.

35. Родственников подозреваемых членов вооруженных группировок, включая погибших боевиков, помещали под стражу в целях получения информации или в знак возмездия. Страхом были охвачены целые общины. Как следствие, семьи из Муадамии (пригород Дамаска) более не публикуют извещения о смерти родственников.

36. Жители контролируемых оппозицией районов подвергались арестам и задержаниям при прохождении контрольно-пропускных пунктов. В июле на одном из контрольно-пропускных пунктов в Дамаске была арестована женщина на том основании, что в ее удостоверении личности была указана Дерья в качестве бывшего места жительства. Такая практика ограничивает свободу передвижения гражданских лиц, особенно мужчин и мальчиков старше 12 лет.

37. Врачи и сотрудники служб спасения подвергались задержаниям в Хаме и Дамаске на том основании, что они помогают "террористам". В Дамаске производились аресты и задержания правозащитников и политических активистов, что ограничивало их свободы выражения мнений и убеждений.

38. Людей задерживали без каких-либо правовых оснований, их задержание не имело под собой никаких веских причин, и они были лишены права на пересмотр оснований и законности их задержания. Правительственные войска производили произвольные аресты и незаконные задержания в нарушение международного права прав человека.

2. Негосударственные вооруженные группы

39. Негосударственные вооруженные группы произвольно лишали людей свободы, нарушая свои обязательства по международному гуманитарному праву. Вооруженные группировки не обеспечивали задержанным возможность того, чтобы их задержание изначально и периодически пересматривал какой-либо независимый орган.

40. В конце июля 2013 года в Таль-Абяде (Эр-Ракка) боевики ИГИШ арестовали мирных курдов на основании их этнической принадлежности. В августе в городе Алеппо бригада ССА задержала врача по той причине, что тот оказывал медицинскую помощь военнослужащим правительственных сил. В провинции Алеппо людей произвольно арестовывали и незаконно задерживали боевики "Джебхат-ан-Нусры", "Ахрар-аш-Шама" и ИГИШ. Иногда основанием для заключения под стражу служили приговоры, вынесенные в упрощенном порядке механизмами, которые не удовлетворяют минимальным стандартам надлежащих процессуальных гарантий.

С. Захват заложников

41. Воюющие стороны участвовали в захватах заложников в нарушение норм международного гуманитарного и уголовного права. Число таких инцидентов с участием негосударственных вооруженных группировок, в частности боевиков ИГИШ, возросло.

42. Противоборствующие стороны похищали людей, стремясь получить выкуп или обменять их на пленных, удерживаемых противоположной стороной. В ряде случаев преступные группировки использовали конфликт как

возможность для самообогащения. Поскольку число похищений росло, гражданское население стало покидать свои дома в поисках безопасности. Некоторые семьи запретили выходить из дома женщинам и девочкам, ограничив их свободу передвижения и доступ к образованию.

1. Правительственные войска и проправительственное ополчение

43. В провинциях Латакия и Тартус правительственные войска, Силы национальной обороны, народные комитеты и группы "Шабиха" захватывали заложников с целью получения за них выкупа. Особенно печально известен в этом смысле контрольно-пропускной пункт "Аль-Маштал" в Тартусе.

44. В Бейт-Джине и Саесае (окрестности Дамаска) сирийские разведывательные службы похищали женщин и детей на контрольно-пропускных пунктах для их обмена на военнослужащих, удерживаемых вооруженными группировками.

2. Негосударственные вооруженные группы

45. 25 июня 2013 года близ Нубула и Захры – шиитских анклавов в северной части провинции Алеппо – были похищены два подростка. Когда совершить обмен пленными не удалось, мальчиков казнили. 23 и 24 сентября боевики "Джамаат-аль-Хузбы" захватили две колонны из 60 женщин и детей, вышедших из Нубула и Захры. В Латакии после нападения вооруженных группировок на восточные алавитские деревни 120 женщин и детей были взяты в заложники и продолжают удерживаться, как сообщается, боевиками "Ахрар-аш-Шама".

46. 21 июля во время нападения боевиков ИГИШ на Таль-Абяд (Эр-Ракка) несколько сотен курдов-мужчин были взяты в заложники для их обмена на одного плененного командира ИГИШ. В июле и августе в населенных пунктах, расположенных в полосе от Камишли до Аль-Маликии, боевики "Джебхат-ан-Нусры" похищали мирных курдов с целью получения за них выкупа.

D. Насильственные исчезновения

1. Правительственные войска и проправительственное ополчение

47. Случаи насильственных исчезновений в Сирийской Арабской Республике за период с марта 2011 года по ноябрь 2013 года комиссия рассмотрела в одном из документов зала заседаний (см. приложение IV). Сообщения об исчезновениях продолжают поступать. В сентябре 2013 года на контрольно-пропускном пункте "Нахар-Айша" (Дамаск) сотрудники разведывательной службы арестовали 70-летнего мужчину, о местонахождении которого по-прежнему ничего не известно.

48. Сирийские власти систематически отказываются признавать случаи лишения свободы либо уведомлять семьи о судьбе или местонахождении их родственников. Семьи зачастую боятся обращаться к властям. Получить такую информацию можно, в частности, от бывших заключенных или коррумпированных чиновников.

49. Насильственные исчезновения совершаются в рамках широкомасштабных нападений на гражданское население и представляют собой преступление против человечности.

2. Негосударственные вооруженные группы

50. В нарушение своих обязательств по международному гуманитарному праву боевики ИГИШ применяют методы, которые могут привести к деяниям, равнозначным насильственным исчезновениям. В августе 2013 года в Эр-Ракке пропал один из активистов; его сокамерник сообщил, что его удерживают боевики ИГИШ, которые опровергают это. 9 декабря в Думе (Дамаск) были захвачены три активиста. В настоящее время они считаются пропавшими без вести, об их местонахождении и о том, кто их удерживает, по-прежнему ничего не известно.

Е. Пытки и неправомерное обращение

1. Правительственные войска и проправительственное ополчение

51. Пытки и другие виды неправомерного обращения по-прежнему широко применяются правительственными войсками и проправительственным ополчением в пенитенциарных учреждениях, разведывательными службами, на контрольно-пропускных пунктах вокруг осажденных районов, в ходе облав, в целях получения информации, а также в целях наказания и запугивания населения.

52. Пытки и неправомерное обращение регулярно применяются в официальных пенитенциарных учреждениях (см. приложение V), в частности в изоляторах таких разведывательных служб, как отделение политической безопасности в Алеппо, отделение военной разведки 227 и отделение военной разведки 215, служба разведки военно-воздушных сил в Меззе, отделение военной полиции в Кабоуне и тюрьма "Седная" в Дамаске, центральная тюрьма "Гарез" в Дерье и отделение военной разведки в Хомсе. Применение пыток, включая нанесение жестоких ударов по голове и телу, длительное подвешивание за руки и сексуальные пытки, продолжается – такие случаи уже были задокументированы комиссией. Применение пыток подтверждает характер телесных повреждений жертв.

53. Сообщалось также о широкомасштабных нарушениях на контрольно-пропускных пунктах вокруг осажденных районов, вокруг Аль-Гуты в сентябре, а также на контрольно-пропускных пунктах около Кафр-Шамса (Дерья) вплоть до сентября. Применение пыток и неправомерного обращения является частью той стратегии осадной войны, которая используется для подавления местного населения.

54. Избиения и акты неправомерного обращения совершались во время обысков жилых домов в Хомсе в сентябре и в Дерье в июле и октябре 2013 года.

55. Задержанных, как правило, лишали еды, воды, пространства, сна, средств гигиены и медицинской помощи. Такие условия приводили к гибели задержанных. Один из опрошенных заявил, что некий задержанный просил о посещении родственников только один раз в шесть месяцев, поскольку после посещений его избивали и состояние его здоровья серьезно ухудшалось после каждого посещения. В условиях отсутствия адекватных санитарных условий и медицинской помощи задержанные часто болели. В июле одного задержанного, который, находясь в агонии, громко умолял надзирателей препроводить его в туалет, избивали до смерти на глазах других заключенных. Условия содержания под стражей представляют собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание.

56. Правительственные войска и ополчение применяли пытки и другие виды жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания в рамках своих широкомасштабных нападений на гражданское население, что свидетельствует о наличии целенаправленной политики. Широкомасштабное применение пыток напрямую связано с систематическими нападениями на гражданское население. Правительственные войска и ополчение совершали акты пытки и другие бесчеловечные акты, которые являются преступлениями против человечности, а также военными преступлениями.

2. Негосударственные вооруженные группы

57. Районы Алеппо, находящиеся под контролем негосударственных вооруженных групп, стали местом применения пыток и неправомерного обращения такими группами, как батальон "Саддам Хуссейн" бригады "Аль-Тавхид", бригада "Северный шторм" и коалиция бригад "Аль-Кифаа". Против гражданских лиц были направлены действия Совета шариата, который применял жестокие методы допроса и избиения во время произвольных задержаний.

58. В Дамаске в августе 2013 года гражданских лиц задерживали и пытали всего лишь за их религиозную принадлежность. Сообщается, что заложники, захваченные негосударственными вооруженными группировками, подвергались физическим и психологическим пыткам. В Идлибе с июля вооруженные группы захватывают, удерживают и пытаются журналистов. В Таль-Абяде (Эр-Ракка) в конце июля боевики ИГИШ и "Джебхат-ан-Нусры", "Ахрар-аш-Шама" и батальона "Шахид Валид-ас-Сухни" избивали в местах своей дислокации курдов и пропускали через них электрический ток. Один из опрошенных сообщил, что в Эр-Ракке "каждая исламистская вооруженная группа имеет свой собственный изолятор, где, как правило, содержатся и подвергаются пыткам гражданские лица". В Дамаске в августе 2013 года, в Эр-Ракке после июля и в Аль-Хасеке имели место случаи избиений, а также жестокого и унижающего достоинство обращения на контрольно-пропускных пунктах, контролируемых вооруженными группировками.

59. На всей территории Сирийской Арабской Республики в районах, находящихся под их контролем, негосударственные вооруженные группы причиняли гражданским лицам серьезные физические или душевные страдания и мучения при их задержании и/или во время содержания под стражей. Увеличение числа таких случаев, особенно в контексте событий в Эр-Ракке, представляет собой получающую широкое распространение систему нападений на гражданское население.

60. Все более частое применение пыток и бесчеловечного обращения в отношении гражданского населения в районах, контролируемых ИГИШ и близкими к нему группами, дает разумные основания полагать, что такие группы систематически поощряют широкомасштабные нападения на гражданское население.

61. Действия, совершаемые в отношении гражданского населения названными выше негосударственными группами в районах, находящихся под их контролем, представляют собой пытки и бесчеловечное обращение, квалифицируемые как военные преступления, а в контексте событий в Эр-Ракки – как преступление против человечности

Е. Сексуальное и гендерное насилие

62. В рамках конфликта не прекращаются акты сексуального и гендерного насилия. Получение сообщений об этих актах остается проблемой по причинам, изложенным комиссией в предыдущих докладах.

1. Правительственные войска и проправительственное ополчение

63. В ноябре 2013 года в отделении военной разведки 215 в Дамаске офицер-мужчина подверг женщину досмотру с полным ее раздеванием, а затем она подверглась пыткам и сексуальному насилию. В декабре эта женщина была переведена в отделение военной разведки в Хомсе, где ее пытали и орально изнасиловали.

64. В 2012 году в одном из отделений разведки в Хаме пять женщин более месяца подвергались пыткам ежедневно, в том числе с применением электрического тока. В течение того же периода высокопоставленные офицеры насиловали двух женщин 15 дней подряд. В августе 2013 года на одном из контрольно-пропускных пунктов близ Аль-Джадиды была раздета и демонстративно выставлена голый женщина, которую затем доставили в отделение в Хаме, где ее изнасиловали. В декабре 2013 года была, как сообщается, подвергнута пыткам и многократно изнасилована 18-летняя девушка.

65. Сексуальные пытки, включая связывание гениталий, систематически применялись в отношении мужчин и мальчиков, помещенных под стражу, в Дамаске, Хомсе и Алеппо. В ноябре 2012 года в отделении службы безопасности "Аль-Хатиб" в Дамаске был изнасилован мужчина. В январе 2013 года в отделении службы безопасности в Хомсе сотрудники службы избили 17-летнего юношу, пропускали электрический ток через его гениталии и в присутствии всех изнасиловали.

66. Изнасилования и сексуальные нападения на женщин и девочек совершались на контрольно-пропускных пунктах в Дамаске, Латакии, Дерье, Хомсе и Алеппо. В январе 2013 года 17-летняя девушка стала жертвой коллективного изнасилования на одном из правительственных контрольно-пропускных пунктах в окрестностях Дамаска. В феврале 2013 года в Латакии проправительственные ополченцы вывели из автобуса 28-летнюю женщину и изнасиловали.

67. На правительственных контрольно-пропускных пунктах в Дамаске мужчин подвергали пыткам и изнасилованиям по причине их сексуальной ориентации. В 2011 году сотрудники службы безопасности жестоко избили электропроводами шесть гомосексуалистов и угрожали им изнасилованием. В октябре 2012 года сотрудники службы безопасности задержали мужчину на том основании, что брат его партнера является членом ССА. Его вывезли за город, где о его тело гасили окурки, а затем коллективно изнасиловали.

68. Правительственные войска широко используют снайперов в Бустан-аль-Касре (Алеппо). В октябре только за один день врачи оказали помощь пятерым мужчинам, получившим пулевые ранения в области паха. В том же месяце пулевые ранения в живот получили шесть беременных женщин.

69. Правительственные войска и ополчение совершали изнасилования, применяли сексуальные пытки и сексуальное насилие в отношении мужчин, женщин и детей. Эти акты совершались в рамках широкомасштабной стратегии нападений на гражданских лиц, которых они задерживали и которые

систематически становились жертвами многочисленных нарушений. Эти деяния представляют собой преступления против человечности, военные преступления и нарушения норм международного права прав человека.

2. Негосударственные вооруженные группы

70. В 2012 году в Азазе (Алеппо) боевики бригады "Северный шторм" похитили, поместили в изолятор и изнасиловали курдскую женщину из Африна. В июне 2013 года в городе Эр-Ракка одну женщину подвергли пыткам и угрожали изнасиловать за "проявление неуважения" к Шариатскому совету. В октябре 2013 года был задержан 26-летний мужчина на основании его сексуальной ориентации. Боевики ИГИШ в Эр-Ракке избивали его и подвешивали за руки под потолок. 31 октября боевики ИГИШ в Эр-Ракке публично отхлестали женщину – директора школы за то, что она была без хиджаба.

71. Изнасилования, акты сексуальных пыток и сексуального насилия, совершенные негосударственными вооруженными группировками, являются нарушением общей статьи 3 Женевских конвенций и представляют собой военные преступления.

G. Нарушения прав детей

1. Правительственные войска и проправительственное ополчение

72. На контрольно-пропускных пунктах в Алеппо, Дерье и Тартусе проправительственное ополчение вооружало и использовало детей с 13-летнего возраста. В октябре 2013 года в Атамане (Дерья) народные комитеты вооружили и организовали подготовку детей с 14-летнего возраста.

73. Организованные правительственными войсками осады приводили к серьезным проблемам с питанием для малолетних детей в Дерье, Муадами и Ярмоуке (Дамаск).

74. Дети, особенно мальчики-подростки, подвергались арестам на контрольно-пропускных пунктах правительственных войск и проправительственного ополчения в Алеппо, Дамаске и Дерье. Согласно сообщениям, на контрольно-пропускных пунктах девочки подвергались сексуальному насилию и домогательствам.

75. Детей помещали под стражу вместе со взрослыми и подвергали пыткам в изоляторах отделения политической безопасности в Алеппо и отделения военной безопасности в Дамаске. 15-летний мальчик, проведенный три месяца под стражей до конца июля, подвергался ежедневным пыткам. На его теле остались шрамы, в том числе следы сигаретных ожогов. У него наблюдались все признаки посттравматического стресса.

76. В Алеппо снайперы умышленно охотились за детьми. Один из врачей сообщил, что в октябре 2013 года по крайней мере один ребенок ежедневно становился жертвой снайперов, и в качестве примера привел случай с восьмилетним мальчиком, убитым в момент, когда он нес хлеб.

77. Вследствие неизбирательных обстрелов и воздушных бомбардировок правительственных войск дети гибнут, получают ранения и становятся инвалидами. Начиная с июля обстрелам подвергся с десяток школ, в результате чего были убиты и получили ранения дети в провинциях Алеппо, Эр-Ракка, Дамаск, Дерья, Дейр-эз-Зор, Хомс и Идлиб.

78. Правительственные войска и ополчение совершали акты, которые представляют собой военные преступления, в том числе пытали содержащихся под стражей детей, а также вербовали и использовали детей. Использование детей проправительственными ополченцами является нарушением Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка со стороны Сирийской Арабской Республики. Лишение продуктов питания и медицинской помощи во время осады противоречит обязательствам по международному праву прав человека и по международному гуманитарному праву. В результате неизбирательных нападений на школы нарушается право детей на образование.

2. Негосударственные вооруженные группы

79. Детей вербовали и использовали боевики "Ахрар-аш-Шама", нескольких близких к ССА группировок, "Джебхат-ан-Нусры" и ИГИШ. В конце 2013 года отмечалось участие детей в боевых действиях близких к ССА группировок в Тамуре (Алеппо), "Джебхат-ан-Нусры" в Аль-Хасеке и ИГИШ в Эр-Ракке и Алеппо. В ходе ожесточенных столкновений дети получали ранения.

80. Вооруженные группы использовали завербованных детей в возрасте от 12 до 14 лет для заряжания боеприпасов на контрольно-пропускных пунктах. В 2013 году несовершеннолетних видели на контрольно-пропускных пунктах ИГИШ в Эр-Ракке и на контрольно-пропускных пунктах батальона "Саддам Хуссейн" в Алеппо. В июле 2013 года группировка "Джебхат-ан-Нусра" организовала боевую подготовку для детей в Таль-Рифате (Алеппо). В сентябре 2013 года боевики ИГИШ использовали школу в Аль-Бабе (Алеппо) в качестве базы для военной подготовки мальчиков.

81. В июле и августе 2013 года малолетних бойцов КНО видели в Камишли (Аль-Хасеке) и в Айн-аль-Арабе (Эр-Ракка). В направленном комиссии письме от 30 сентября 2013 года КНО заявило о своем принципиальном отказе от использования детей моложе 18 лет. Эту принципиальную позицию подтвердил приказ, отданный 14 декабря штабом КНО полевым командирам. Мониторинг соблюдения этой политики продолжается.

82. Некоторые вооруженные группы задерживали и пытали детей. 14-летний мальчик сообщил, что в июле в Эр-Ракке боевики "Ахрар-аш-Шама" пытали его с целью получить информацию о его дяде.

83. Дети гибли в ходе неизбирательных обстрелов со стороны вооруженных группировок. 5 октября в ходе минометного обстрела были убиты 13-летний мальчик и его друг, игравшие на школьной площадке в Нубуле (Алеппо). 31 октября в результате минометного обстрела школы в Дамаске была убита девочка.

84. Негосударственные вооруженные группы совершают военные преступления, вербуя и используя детей моложе 15 лет для активного участия в военных действиях, а также привлекают и используют детей моложе 18 лет в военных действиях в нарушение Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка. Они также совершали военные преступления, применяя пытки к детям. Вследствие использования школ в качестве военных баз и учебных лагерей нарушается право детей на образование.

IV. Нарушения, касающиеся ведения боевых действий

A. Незаконные нападения

85. В результате неизбирательных и несоизмеренных нападений – главным образом артобстрелов и воздушных бомбардировок – гибли и получало ранения множество мирных жителей. Незаконные нападения по-прежнему являются главной причиной внутренних перемещений и потоков беженцев.

1. Правительственные войска и проправительственное ополчение

а) Артобстрелы и воздушные бомбардировки

86. По всей территории страны правительственные войска обстреливали из артиллерийских орудий, минометов и танков районы проживания гражданского населения. В некоторых районах воздушные атаки с вертолетов и реактивных истребителей совершались ежедневно. Существенно возросли масштабы применения чрезвычайно низкоточных и смертоносных бочковых бомб, сбрасываемых вертолетами на городские районы с больших высот. Подобное применение бочковых бомб является неизбирательным (см. приложение VI).

87. Правительственные войска подвергали жестоким бомбардировкам спорные районы проживания гражданского населения, имеющие стратегическое значение. От постоянных атак страдали провинции Алеппо, Дамаск, Дерья, Идлиб и Эр-Ракка.

88. Атаки не были направлены на конкретные военные цели. Там, где находились боевики вооруженных группировок, правительственные войска явно рассматривали в качестве одиночных целей военные объекты, расположенные в густонаселенных районах. Ковровые бомбардировки терроризируют гражданское население и запрещены международным гуманитарным правом. Правительственные войска не предупреждали заранее о предстоящих нападениях.

89. Провинция Алеппо подвергалась интенсивным неизбирательным нападениям. На протяжении всего отчетного периода город Алеппо страдал от бомбардировок, кульминацией которых стала продолжающаяся кампания по применению бочковых бомб, в результате которой сотни гражданских лиц были убиты и ранены, в том числе стали калеками. В июле в Азазе правительственные войска совершали минометные и ракетные обстрелы. В августе десятки гражданских лиц, включая женщин и детей, погибли в результате ракетных обстрелов правительственных истребителей. 26 августа мирные жители, преимущественно дети, были убиты в результате сбрасывания зажигательной бомбы на школу в Урем-аль-Коубре. В сентябре и октябре концентрированные воздушные бомбардировки и обстрелы, в частности с применением ракет и бочковых бомб, производились в районах Минбиджа, Ас-Сафиры и Таль-Хазеля. В начале октября бочковые бомбы были сброшены на лагерь перемещенных лиц близ Ас-Сафиры, в результате чего погибло множество гражданских лиц. Между ноябрем 2013 года и январем 2014 года ракетным и артиллерийским обстрелам подвергались города в провинции Алеппо, в частности Абу-Тальгаль и Маарат-аль-Артик. В декабре с армейских позиций в Нубуле и Захре был произведен неизбирательный обстрел деревни Майер.

90. Города и деревни в провинции Дамаск непрерывно подвергались обстрелам. В период с середины сентября по середину октября район Гута страдал от интенсивных, практически каждодневных воздушных бомбардировок, которые оказали опустошительное воздействие на этот плотно населенный район. Также находившиеся в осаде Муадамия и Дарая подвергались обстрелам и бомбардировкам. Кроме того, были совершены незаконные нападения на Кабуун, Думаир, Бейт-Джин и Забадани. В районе Каламоун неизбирательные нападения, совершенные правительственными войсками в ноябре и декабре, вынудили спасаться бегством более 4 000 семей.

91. Правительственные войска неоднократно совершали артиллерийские и ракетные обстрелы кварталов Тарик-ас-Саад и Сахарра в городе Дерья. В июле и августе неизбирательные нападения, как правило обстрелы с расположенных поблизости армейских позиций, были задокументированы в Наве, Альме, Насибе, Даеле, Инхеле и Ядоуде в провинции Дерья.

92. Нападения на деревни и города в провинции Идлиб были столь многочисленны, что не поддаются подробному описанию. В период с июля и по октябрь район Джабаль-аз-Зауия и, в частности, города Саракиб, Кафр-Набль и Маарат-ан-Нуман подвергались интенсивным воздушным бомбардировкам, в том числе с применением бочковых бомб. 21 июля бомбардировке подвергся рынок в Арихе, в результате чего пострадало множество гражданских лиц. Между 24 августа и 3 сентября производились массированные обстрелы Арихи. В обоих случаях погибло значительное число мирных жителей.

93. В июле город Эр-Ракка подвергся воздушной бомбардировке, в том числе с применением бочковых бомб. 29 сентября воздушной бомбардировке подверглась школа, в результате чего погибли 16 человек, в том числе 13 детей.

94. Обстрелы и воздушные бомбардировки задокументированы также в провинциях Хомс, Хама, Аль-Хасеке и Дейр-эз-Зор.

95. Правительственные войска совершали неизбирательные и несоразмерные нападения в нарушение норм международного гуманитарного права.

96. Правительственные войска продолжали дислоцировать военные объекты в городах и деревнях, в частности Набуле и Захре (Алеппо), ставя тем самым под угрозу гражданское население и нарушая свои международно-правовые обязательства.

б) Снайперский огонь

97. В городе Алеппо воюющие стороны разграничили районы, находящиеся под их контролем, разместив снайперов для контроля за линиями фронта. Бустан-аль-Каср оставался единственным коридором между районами города Алеппо, контролируемые правительством и негосударственными вооруженными группировками. Правительственные снайперы разместились в высотном здании мэрии Алеппо, что обеспечило им хороший обзор и благоприятные возможности для ведения прицельной стрельбы и поражения гражданских лиц, пересекающих Бустан-аль-Каср.

98. Врачи, работающие в больницах в районах Алеппо, подконтрольных оппозиции, сообщили, что с июня 2013 года к ним на лечение поступает необычно большое число жертв снайперов. В большинстве своем это гражданские лица, которые приезжают из страдающих от нехватки средств мест и пересекают Бустан-аль-Каср, чтобы получить доступ к более дешевым товарам. Среди жертв люди всех возрастов, в том числе дети, престарелые лица

и беременные женщины. Один из врачей заявил, что гражданских лиц используют в качестве "учебной мишени". Хирург, работающий в другой больнице, подтвердил эту практику, сообщив, что в некоторые дни он констатировал очевидную закономерность причиненных снайперами повреждений. Большинство жертв имели единственное пулевое ранение от снайперской винтовки, которое причиняло огромный вред и приводило к серьезной потере крови. Раненые зачастую оставались истекать кровью на улице, поскольку любой, кто приближался бы к ним для оказания помощи, мог быть застрелен.

99. Стрельба снайперов по гражданским лицам была также задокументирована в Ярмоуке и Дер'я-аль-Баладе (Дер'я).

2. Негосударственные вооруженные группы

а) Артобстрелы

100. Вооруженные группы по-прежнему обстреливали Нубул и Захру (Алеппо), применяя артиллерию и самодельные ракеты. В сентябре и октябре в ходе минометных обстрелов были убиты и ранены малолетние дети. Обстрелам подвергалось курдское гражданское население в Камишли, Киро, Рас-аль-Айне и Аль-Маликии (Аль-Хасеке).

101. Вооруженные группы, занявшие позиции в Аль-Млихе, Бейт-Сахаме и Эйн-Тарме в восточных пригородах Дамаска, обстреливали самодельными ракетами и артиллерийскими снарядами контролируемые правительством районы, в частности Джараману и Меззу, в результате чего гибли гражданские лица. 11 ноября в Баб-Туме мина попала в школьный автобус, убив пятерых детей.

102. Негосударственные вооруженные группы применяли минометы, артиллерию и самодельные ракеты, не проводя никаких различий между гражданскими и военными объектами и совершая тем самым противозаконные нападения.

103. Хотя отмечались случаи, когда вооруженные боевики располагались на окраинах городов вдали от гражданского населения, большинство боевиков, в частности в городах Алеппо и Эр-Ракка, размещались среди гражданских лиц, подвергая их риску нападений и нарушая нормы международного права, запрещающие размещать военные объекты внутри или вблизи густонаселенных районов.

б) Подрыв автомобилей и использование террористов-смертников

104. В течение отчетного периода в провинциях Аль-Хасеке, Эр-Ракка, Хомс, Алеппо и Дамаск вооруженные группы подрывали автомобили и использовали террористов-смертников. Применение самодельных взрывных устройств было также задокументировано в Хомсе.

105. 15 августа боевики ИГИШ взорвали бомбу на железнодорожной станции в Эр-Ракке, недалеко от штаба бригады "Ахфад-эр-Расул". 4 ноября террорист-смертник произвел взрыв в отделении "Хезболлы" в Ат-Табийтии (Хомс). Хотя эти нападения были направлены против военных объектов, в результате гибли и получали ранения гражданские лица, что несоразмерно тем военным преимуществам, которые планировалось достичь.

106. 19 сентября вооруженные группы дистанционно подорвали наземные мины, заложенные вдоль обьездной дороги между Джабуурином и городом Хомс. Подорвались три гражданских транспортных средства, и погибли девять гражданских лиц. 26 ноября вооруженные группы взорвали бомбу на центральном вокзале "Ас-Сумария" (Дамаск), в результате чего погибли десятки гражданских лиц. Эти три нападения, которые, как представляется, были направлены против гражданских лиц, представляют собой военное преступление. Подобные нападения, главная цель которых – терроризировать гражданское население, запрещены международным гуманитарным правом.

В. Пользующиеся особой защитой лица и объекты

1. Больницы и медицинский персонал

а) Правительственные войска и проправительственное ополчение

107. Правительственные войска по-прежнему разрушают больницы и медицинские пункты и совершают нападения на медицинский персонал (см. также приложение VII). В течение отчетного периода были задокументированы нападения в провинциях Алеппо, Дамаск, Дерья и Хомс. Кроме того, больных и раненых гражданских лиц и комбатантов, не участвующих в боевых действиях, лишали доступа к медицинской помощи.

108. В провинции Дамаск подвергались обстрелам больницы, расположенные в восточной части Гуты. В июле в ходе одного из наземных вторжений войска разрушили полевой госпиталь в Аз-Земани. После нападения на Гуту 21 августа снаряды взорвались около больницы "Аль-Фатих", где проходили курс лечения жертвы применения химического оружия, в результате чего больница была вынуждена прекратить оказание им медицинской помощи. В начале ноября правительственные войска напали на больницу "Эр-Раджа" в Ирбине, где лечились боевики вооруженных групп. 3 ноября военно-воздушные силы атаковали полевой госпиталь в Бейт-Джине.

109. Больницы в городе Алеппо и Аль-Бабе подвергались интенсивным обстрелам и воздушным бомбардировкам. В июле 2013 года больница "Джабан" в городе Алеппо была разрушена. 11 сентября боевой самолет выпустил ракету по полевому госпиталю в Аль-Бабе, в результате чего погибли 15 человек, включая врача, 4 фельдшеров и 8 пациентов, а многие другие получили ранения. Из-за обстрелов госпиталь трижды менял свою дислокацию.

110. В августе был обстрелян полевой госпиталь в Насибе (Дерья). В октябре 2013 года правительственные войска выпустили ракеты по больнице "Аль-Карятайн" (Хомс), вследствие чего погибли 30 человек и более 100 получили ранения.

111. Становились мишенью и гибли медицинские работники, находившиеся при исполнении своих обязанностей. В сентябре и октябре снайперы регулярно обстреливали кареты скорой помощи в городе Алеппо. В августе снайпер застрелил медсестру в больнице в Аль-Хилале (Алеппо). Медицинский персонал, подозреваемый в лечении оппозиционеров или предоставлении им медикаментов, задерживали и пытали, как в случае с доктором Аббасом Ханом, который 17 декабря скончался в правительственном изоляторе.

112. Правительственные войска блокировали поставки медицинских препаратов и оборудования в осажденные районы. На контрольно-пропускных

пунктах, арестовывали или возвращали назад лиц, стремившихся получить медицинскую помощь.

113. Нападая на пользующиеся защитой объекты – больницы, медицинские пункты и медицинский персонал, – правительство нарушало императивные нормы международного гуманитарного права об уходе за больными и ранеными и совершало военные преступления. Поскольку больницы разрушались, медицинских работников убивали или задерживали либо они были вынуждены спасаться бегством, инфраструктура здравоохранения оказалась серьезно подорвана, что имеет катастрофические последствия для гражданского населения.

b) Негосударственные вооруженные группы

114. Во время нападения на Садад (Хомс) 21–28 октября вооруженные группы разграбили больницу, сделав невозможным ее дальнейшую работу. 11 ноября был дистанционно подорван автомобиль около клиники Курдского Красного Полумесяца в Айн-аль-Арабе (Эр-Ракка). 19 ноября при нападении на Дейр-Атию (Дамаск) террорист-смертник подорвал себя в холле больницы, а другие боевики казнили девять медицинских работников. 16 августа одна из вооруженных групп напала на карету скорой помощи Курдского Красного Полумесяца в Рас-аль-Айне (Аль-Хасеке). После попытки уничтожить карету скорой помощи с помощью самодельного взрывного устройства, боевики открыли по ней огонь, убив водителя и медсестру. Нападая на пользующиеся защитой объекты – больницы, медицинские учреждения и медицинский персонал, – вооруженные группы нарушают международное гуманитарное право и совершают военные преступления.

115. Во время нападения на Таль-Хазель (Алеппо) 28–29 июля вооруженные группы разместили снайперов вокруг медицинского центра. Размещение военных объектов в больницах означает, что невозможно принять все меры предосторожности для защиты гражданских лиц от последствий нападения. Подобные действия также противоречат основополагающему обязательству уважать неприкосновенность и обеспечивать защиту медицинских учреждений.

c) Духовный персонал и объекты культурной собственности

i) Правительственные войска и проправительственное ополчение

116. Правительственные войска размещали военные объекты внутри и вокруг объектов, имеющих большую культурную ценность. На снимках спутниковой съемки видно, как строились военные посты в доримском городе Пальмира (Хомс). Такие посты оборудовались внутри древних построек или размещались на их развалинах. Создавая и размещая военные объекты внутри и вокруг Пальмиры, правительство нарушает свои обязательства уважать и защищать культурную собственность в соответствии с Конвенцией о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

ii) Негосударственные вооруженные группы

117. Резко возросло число нападений негосударственных вооруженных групп на духовный персонал и религиозные здания. Такие нападения прямо угрожают свободе вероисповедания.

118. 28 июля в городе Эр-Ракка боевики ИГИШ похитили отца Далль'Ольо; о его судьбе по-прежнему ничего не известно. 4 августа во время нападения на деревни в восточной части Латакии был казнен алавитский имам. 2 декабря

вооруженная группа изгнала монахинь из расположенных в Маалоуле монастыря и церкви "Мартар" в Ябруд. Хотя вначале казалось, что это было сделано с целью их вывода из района активных столкновений, монахини остаются в Ябруде, и для их освобождения необходимо выполнить определенные условия. В Алеппо в апреле были похищены сирийский православный и греческий православный архиепископы Иоханна Ибрахим и Павел Язиги, и они по-прежнему лишены свободы.

119. 4 сентября вооруженные группы вступили в бой с правительственными войсками в Маалоуле (Дамаск). Были разграблены и разрушены церкви. Исторические церкви "Мар Саркия" и "Бархос" использовались в качестве баз для военных операций. В октябре боевики ИГИШ нанесли ущерб церкви "Сайдат-аль-Бишара" в Эр-Ракке, устроив в ней свой штаб. Во время нападения на Садад (Хомс) 21–28 октября вооруженные группы осквернили христианские церкви. 16–17 ноября в ходе боев в Каре (Дамаск) пострадала церковь "Мар Микаэль". Когда правительственные войска вновь взяли Кару, вооруженные группы разместили свои огневые позиции вблизи христианских церквей.

120. В нарушение норм международного гуманитарного права вооруженные группы сознательно повреждали и разрушали объекты собственности, имеющие важное значение для культурного наследия Сирийской Арабской Республики.

121. Во время нападения на Таль-Хазель и Таль-Аран (Алеппо) 28–29 июля близкие к ИГИШ вооруженные группы размещали своих снайперов в минаретах мечетей, подвергая эти здания реальному риску нападений.

d) Журналисты

122. В 2013 году в Сирийской Арабской Республике были убиты 28 журналистов, т.е. эта страна стала самой опасной в мире для работников средств массовой информации.

i) Негосударственные вооруженные группы

123. Журналисты в провинциях Алеппо и Эр-Ракка получали прямые угрозы расправы от боевиков ИГИШ.

124. 4 декабря в Идлибе был казнен Яссер Ад-Джумайли – опытный независимый оператор из Ирака. В своем последнем разговоре с представителями "Аль-Джазире" он сообщил, что его удерживают боевики ИГИШ.

125. 31 декабря 2012 года в Алеппо боевики "Джебхат-ан-Нусры" и других вооруженных группировок задержали иностранного репортера, который подвергался неправомерному обращению в различных тайных местах содержания под стражей до тех пор, пока в конце июля 2013 года ему не удалось бежать. 8 апреля группа, близкая к бригаде "Аль-Фарук", задержала в Аль-Кусайре (Хомс) двух иностранных журналистов, которых затем неоднократно пытали до их освобождения в сентябре. 24 июля боевики ИГИШ напали на информационный центр в Саракибе (Идлиб), жестоко обошлись с его персоналом и похитили иностранного журналиста, который, как сообщалось, сбежал от них в октябре и потом покинул страну.

126. Совершая постоянные нападения на журналистов, вооруженные группировки, в частности боевики ИГИШ, нарушали нормы международного гуманитарного права. Такие нападения представляют собой также прямую угрозу для права на свободу выражения мнений.

C. Применение незаконного оружия

1. Химическое оружие

127. В своем докладе Миссия Организации Объединенных Наций по расследованию случаев предполагаемого применения химического оружия в Сирийской Арабской Республике подтвердила, что в ходе конфликта химическое оружие, в частности зарин, применялось неоднократно⁴. Комиссия самостоятельно собрала информацию, подтверждающую этот вывод применительно к событиям в Аль-Гуте (21 августа), Хан-аль-Ассале (19 марта) и Саракибе (29 апреля).

128. В Аль-Гуте было применено значительное количество зарина в рамках хорошо спланированного неизбирательного нападения на районы проживания гражданского населения, в результате чего пострадало большое число людей. Собранные данные о характере, качестве и количестве химических веществ, примененных 21 августа, указывают на то, что применившие их лица, по всей вероятности, имели доступ к запасам химического оружия сирийской армии, а также располагали знаниями и оборудованием, необходимыми для безопасной работы с большим объемом химических веществ. Что касается случая в Хан-аль-Ассале 19 марта, то примененные там химические вещества имели ту же маркировку, что и вещества, примененные в Аль-Гуте.

129. В других расследованных заявлениях о применении химического оружия речь явно шла об иных обстоятельствах и об инцидентах значительно более мелкого масштаба. Ни в одном из случаев полученные комиссией доказательства не позволяли точно определить, кто применил химическое оружие.

2. Зажигательное оружие

130. 26 августа истребитель сирийской армии сбросил на город Урем-аль-Коубра (Алеппо) две зажигательные бомбы, одна из которых упала на школу. На месте падения бомбы возник "огненный шар", который убил 10 гражданских лиц и причинил серьезные ранения десяткам других, преимущественно детей и подростков. Хотя остается неясным, какой был использован воспламеняющийся материал, взрыв бомбы имел последствия, аналогичные применению напалма. Жертвы из тех, кто выжил, были изуродованы ожогами второй и третьей степени, покрывшими до 80% их тела, и испытывали исключительно сильную боль.

131. Применив зажигательные бомбы в случае со школой в Урем-аль-Коубре, правительство нарушило нормы международного гуманитарного права о запрещении применения оружия, которое причиняет чрезмерные повреждения, излишние страдания или является по своему характеру неизбирательным.

D. Осады и экономические, социальные и культурные права

1. Правительственные войска и проправительственное ополчение

132. Ведя войну, правительство применяет такие методы, как осада, и манипулирует в рамках своей военной стратегии основополагающими потребностями человека в воде, питании, крове и медицинской помощи. Осаде

⁴ A/67/997-S/2013/553.

подвергаются города по всей территории Сирийской Арабской Республики. Осажденные районы подвергаются беспрестанным обстрелам и бомбардировкам. Правительственные войска ограничивают распределение гуманитарной помощи, включая хирургические материалы, на том основании, что они могут быть использованы для лечения раненых комбатантов. Такая тактика является прямым нарушением императивных норм международного гуманитарного права, направленных на обеспечение сбора раненых и больных и оказание им медицинской помощи, а также на обеспечение быстрой и беспрепятственной доставки гуманитарной помощи. Во многих районах оказание гуманитарной, в том числе продовольственной, помощи остается невозможным, что приводит к недоеданию и голодной смерти. Морение голодом гражданского населения как средство ведения войны запрещено. Подобные действия нарушают также основополагающие обязательства, касающиеся права на достаточное питание и права на наивысший достижимый уровень здоровья.

133. По состоянию на январь 2014 года 160 000 человек находились в осадном положении в городах Думах, Арбин, Замалка, Кафр-Батна, Хараста, Джисрин, Сакба и Аль-Млиха в восточной части Гуты (окрестности Дамаска). Лишение продовольствия в качестве средства военной стратегии стало применяться в этом сельскохозяйственном районе в июле и августе 2013 года, когда обстреливались и сжигались сельскохозяйственные угодья и фермы. По мере ужесточения осады правительственные войска блокировали подъездные дороги и на контрольно-пропускных пунктах систематически конфисковывали продовольствие, топливо и лекарства. Женщина, которой удалось бежать в середине сентября и которая не ела мяса и свежих овощей более года, рассказала, что на контрольно-пропускных пунктах военнослужащие обязательно пристают ко всем, кто несет продукты питания, и уничтожают эти продукты под предлогом, что эти лица "солидарны с оппозицией". В октябре на контрольно-пропускном пункте "Тамико" в Аль-Млихе военнослужащие задержали женщину, переносившую под одеждой хлеб. Кроме того, в октябре на контрольно-пропускном пункте близ Доумы сотрудники службы безопасности пристали к женщине, пытавшейся пронести продовольствие для своей семьи, и заявили ей: "Вы будете искать еду как собаки". Снайперы стреляли по тем, кто пытался покинуть восточный район Гуты или проникнуть в него в обход контрольно-пропускных пунктов.

134. К началу октября, чтобы выжить, жители стали использовать вместо овощей пшеничную крупу, рис и листья деревьев. Сейчас вода доступна не всегда и в недостаточных объемах. Правительство неоднократно отказывалось санкционировать поставку хирургических материалов в рамках гуманитарной помощи. Это сознательное блокирование поставок медицинских материалов приводит к ухудшению состояния больных и раненых. Один раненый мужчина рассказал, что для перевязки пациентов врачи используют материал из мешков для муки. Правительственные контрольно-пропускные пункты не разрешали нуждающимся покинуть восточный район Гуты для получения медицинской помощи. В доступе к медицинской помощи отказывали и тем, кто нуждался в неотложном лечении, и хроническим больным, что приводило к гибели людей.

а) Муадамия

135. До достижения военного перемирия в декабре 2013 года 12 000 человек оказались блокированными внутри Муадамии. Этот район был осажден с востока и севера 4-й дивизией, занявшей позиции около аэропорта "Мезза", а с юга и запада – Президентской гвардией, расквартированной близ Джайдет-

Артуза. Как только 20 апреля были заблокированы дороги из Дерьи в Муадамию, поставки продовольствия прекратились, что постепенно привело к нехватке продовольствия и к голоду. По словам жителей, после того как закончились запасы пшеницы и риса, они выживали за счет оливок, листьев деревьев и разного рода трав. Однажды снабжение водой было прервано на несколько недель. Одна из жительниц Муадамии рассказала о связанных с голодом унижениях и мучениях, заметив, что: "Мой ребенок умер голодным", – когда ее трехлетнего сына убили в конце мая".

136. Дети, страдавшие от болезней и осколочных ран, не имели доступа к продуктам питания и лекарствам, в результате чего они преждевременно умирали. Многие медицинские работники, включая большинство акушерок, спасаются бегством. Ввиду отсутствия продовольствия кормящие матери не могли кормить новорожденных, в результате чего дети недоедали и, по крайней мере, один ребенок умер. Правительственные войска заблокировали этот район и разместили снайперов для отстрела тех, кто пытался бежать.

137. 13 октября Сирийский Арабский Красный Полумесяц и Международный комитет Красного Креста контролировали эвакуацию 3 500 гражданских лиц из Муадамии. В ходе этой эвакуации женщины и дети отделялись от мужчин, многие из которых проходили проверку в аэропорту "Мезза". Несколько из них были арестованы и задержаны. Многие способные носить оружие мужчины остались в упомянутом районе, опасаясь арестов, убийств и "исчезновений" со стороны правительственных войск. Во время последующих эвакуаций 15 и 29 октября Муадамию покинули еще 5 000 человек. Несмотря на перемирие, заключенное 25 декабря, Муадамия остается в осажденном положении и никакого доступа для поставок гуманитарной помощи не обеспечивается.

b) Дарая

138. В Дарае, граничащей на востоке с аэропортом "Мезза", а на юго-западе с районом Сахняя, 8 000 человек по-прежнему находятся на осадном положении. На контрольно-пропускных пунктах правительственные военнослужащие производили аресты лиц на основании происхождения, указанного в их удостоверениях личности. Жители рассказывают о "гуманитарной катастрофе" в Дарае, куда не позволяют поставлять никакие продукты питания, топливо и лекарства. Растет число недоедающих, особенно детей.

c) Лагерь Ярмук

139. 20 000 человек остаются на осадном положении в палестинском лагере Ярмук, куда не поставляются никакие продукты питания и лекарства. Людям нечего есть, они исчерпали все свои запасы и начали есть листья деревьев, продавать свои вещи и грабить брошенные дома. В январе 2014 года были получены сообщения о случаях смерти людей от голода. Поскольку больницы и медицинские клиники разрушены в ходе обстрелов, медицинское обслуживание вообще отсутствует. До настоящего времени в Ярмук не допускается поставлять никакие медицинские материалы. 15 января автоколонна БАПОР разрешили доступ в Ярмук только через северные ворота, где шли военные действия. Ввиду отсутствия безопасности колонна БАПОР попасть туда не смогла. С тех пор гуманитарные конвои получили возможность осуществлять поставки в этот район, но правительственные службы безопасности запретили им раздавать продукты питания внутри лагеря.

d) *Хомс (старый город)*

140. В феврале 2012 года было введено осадное положение в старом городе Хомса. Вокруг старого города были построены контрольно-пропускные пункты и возведены заграждения, а также бетонная стена длиной в 1 км около здания отделения политической безопасности, и, таким образом, все подступы к городу были блокированы. В последний раз поставка гуманитарной помощи была разрешена в октябре 2012 года. Остающиеся внутри 4 000 жителей испытывали нехватку воды и электроэнергии, а также дефицит продовольствия и медицинских материалов. В результате периодических обстрелов получают ранения люди, которые остаются без лечения, что приводит к высоким уровням смертности. Правительственные снайперы, размещенные во всех местах доступа, ограничивали передвижения людей и вели по ним неизбирательную стрельбу.

2. Негосударственные вооруженные группы

a) **Алеппо**

i) *Нубул и Захра*

141. Негосударственные вооруженные группы окружили Нубул и Захру, в результате чего 45 000 человек оказались на осадном положении. Эту осаду установили группы, близкие к Исламскому фронту, боевики "Джаиш-аль-Муджахидин", "Джебхат-ан-Нусра" и Сирийского революционного фронта. Они возвели контрольно-пропускные пункты вокруг этого района, отрезав его от линий электро- и водоснабжения. Эти группировки не разрешают доступ гуманитарным конвоям, нарушая свои обязательства по международному гуманитарному праву. Такая ситуация провоцирует гуманитарную катастрофу: жители бурят скважины в поисках воды и заболевают из-за плохих санитарных условий. После того как в июне 2013 года было совершено нападение на вертолет, перевозивший гуманитарную помощь и материалы для школьников, правительственные войска прекратили поставку предметов первой необходимости. Единственная оставшаяся в Нубуле и Захре больница обладает ограниченным запасом медицинских препаратов, используя примитивные средства для лечения хронических больных и лиц, получивших ранения в результате неизбирательного обстрела этих двух городов.

142. Вооруженные группы в регионе периодически осаждали и Африн, через который идут поставки в Нубул и Захру. После того как 17 июля обострился конфликт между КНО и вооруженными группировками в Аль-Хасеке, Африна был вновь осажден. По состоянию на январь 2014 года боевики ИГИШ не позволяли поставлять гуманитарную помощь в Африн.

ii) *Хама*

143. В долине Аль-Габ, являющейся сельскохозяйственным районом, есть несколько алавитских деревень, вокруг которых живут преимущественно сунниты. С правительственных огневых позиций, оборудованных внутри алавитских деревень, обстреливается окружающая местность. Негосударственные вооруженные группы в отместку умышленно обстреливают работающих в поле фермеров. Многочисленные убийства и похищения не позволяют жителям Мирдаша и Шатхи возделывать свои земли, лишая их основного источника доходов и средств к существованию. Нападения на возделывающих свои земли фермеров с конкретной целью помешать им

получать сельскохозяйственную продукцию, запрещены международным гуманитарным правом.

Е. Произвольные и принудительные перемещения

1. Правительственные войска и проправительственное ополчение

144. Проводя неизбирательные и несоразмерные воздушные бомбардировки и обстрелы, правительство провоцирует широкомасштабные произвольные перемещения. При этом оно нарушает свои предусмотренные международным правом прав человека обязательства защищать гражданских лиц от таких перемещений. Оно не выполняет свои закрепленные в международном гуманитарном праве обязанности обеспечивать перемещенным гражданским лицам кров, надлежащие санитарные условия, медицинскую помощь, безопасность и питание, а также гарантировать неразлучение членов одной семьи.

2. Негосударственные вооруженные группы

145. Были задокументированы два случая спровоцированных вооруженными группировками принудительных перемещений, соответствующих определению этого понятия в международном гуманитарном праве.

146. 20 июля боевики ИГИШ, "Джебхат-ан-Нусра", бригад "Ас-Сахана", "Савайк-ар-Рахман", бригад "Ибн-Таймия" и "Ахрар-аш-Шам" вступили в бой с силами КНО в Таль-Абяде (Эр-Ракка).

147. Когда 21 июля силы КНО отступили, вооруженные группировки огласили с мечетей в районах Аль-Джиср, Харат-аль-Лейль и Хай-аш-Шаллала распоряжения курдскому населению покинуть город под угрозой незамедлительного нападения. Тысячи курдских гражданских лиц стали спасаться бегством. Многие были похищены на контрольно-пропускных пунктах, окружавших этот район. Имущество сбежавших было разграблено и сожжено.

148. 28 июля в Алеппо в курдских анклавах Таль-Аран и Таль-Хазель вспыхнули бои между боевиками "Джебхат-аль-Акрад" и отрядами КНО, с одной стороны, и группами, близкими к "Джебхат-ан-Нусра", ИГИШ и ССА – с другой. Последние установили контроль над Таль-Араном, создали свои контрольно-пропускные пункты и разместили снайперов. Используя громкоговорители мечетей, боевики вооруженных группировок приказали курдскому населению уйти под угрозой применения силы. На следующий день тысячи людей стали спасаться бегством.

149. 29 июля военные действия охватили Таль-Хазель: отряды КНО вступили в бой с упомянутыми выше вооруженными группировками. После скоротечных ожесточенных боестолкновений вооруженные группировки окружили город и провели облавы по курдским домам, похищая мужчин, способных носить оружие. Используя громкоговорители мечетей, боевики называли курдов "неверными" и объявили, что они "не пощадят тех, кто решит остаться в Таль-Хазеле". Особые угрозы были направлены против курдских женщин и детей: заявлялось, что оставшиеся будут считаться "добычей муждахедов".

150. Действия, совершенные негосударственными вооруженными группами в Эр-Ракке и Алеппо в июле, свидетельствуют о скоординированной и запланированной кампании, направленной на принудительное перемещение

курдского гражданского населения. Применяемые методы, угрозы расправы и последующие похищения подтверждают сознательное перемещение жителей на основе их этнической принадлежности. Такие действия равнозначны военным преступлениям в форме принудительных перемещений.

V. Выводы и рекомендации

A. Выводы

151. Сирийская Арабская Республика совершает действия в нарушение Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, а также Конвенции о правах ребенка и Факультативного протокола к ней, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах. Правительственные войска игнорируют основополагающие права человека лиц, находящихся под их контролем или содержащихся у них под стражей. Как государство Сирийская Арабская Республика несет ответственность за все действия, совершенные ее официально уполномоченными представителями в нарушение ее обязательств по международным договорам.

152. В ходе конфликта в Сирийской Арабской Республике воюющие стороны не выполняют их обязательства по международному гуманитарному праву. Они нарушают предусмотренные в общей статье 3 Женевских конвенций основополагающие запреты, которые носят обязывающий характер для всех сторон конфликта. Такие нарушения равнозначны военным преступлениям, влекущим за собой индивидуальную уголовную ответственность. Отдельные боевики и их командиры могут быть привлечены к ответственности за их действия в соответствии с международным уголовным правом и государствами, осуществляющими универсальную юрисдикцию.

153. На внешние силы, которые оказывают воюющим сторонам финансовую и логистическую поддержку, возлагаются обязательства по международному праву. Государства не должны разрешать передачу оружия, если существует риск того, что оно будет применено для совершения преступлений против человечности или военных преступлений. Как это неоднократно документировалось, в Сирийской Арабской Республике такой риск существует реально. Государствам – участникам Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма надлежит принимать меры для противодействия лицам и организациям, собирающим или жертвующим средства, если известно, что эти средства будут использованы для финансирования нападений на гражданских лиц или лиц, не принимающих активного участия в военных действиях. Частные доноры, а также иностранные советники, оказывающие оперативное содействие, несут ответственность за действия и поведение, имеющие место под их контролем. На государства, которые оказывают влияние на стороны в Сирийской Арабской Республике, возлагается обязательство обеспечить соблюдение ими норм международного гуманитарного права.

154. 2 октября 2013 года Председатель Совета Безопасности сделал заявление, в котором он осудил широкомасштабные нарушения прав человека и норм международного гуманитарного права сирийскими властями, а также любые посягательства на права человека и нарушения норм международного гуманитарного права вооруженными группами⁵. Основываясь на этом, Совет Безопасности должен принять меры для привлечения к судебной ответственности лиц, совершивших упомянутые нарушения и злоупотребления.

155. Приняв резолюцию 2118 (2013), Совет Безопасности продемонстрировал свою способность осуществлять слаженные и эффективные действия в Сирийской Арабской Республике. Пять постоянных членов Совета не предприняли никаких действий в связи с другими серьезными нарушениями, которые также угрожают международному миру и безопасности. Такое бездействие делает возможным увеличение числа действующих в Сирийской Арабской Республике сторон, каждая из которых преследует свои собственные цели, а также способствует радикализации и эскалации насилия. Ответственность за это несет Совет Безопасности.

В. Рекомендации

156. Комиссия по расследованию повторяет рекомендации, которые она сформулировала в своих предыдущих докладах. Кроме того, ниже она выносит новые рекомендации.

157. Комиссия по расследованию рекомендует всем сторонам:

a) обеспечить защиту гражданских лиц, эффективно гарантировав их полную безопасность;

b) уважать право гражданских лиц на доступ к предметам и услугам первой необходимости, продуктам питания и медицинской помощи, а также разрешить беспрепятственно доставку таких предметов;

c) проводить различие между военными и гражданскими объектами, воздерживаясь от любых неизбирательных и несоразмерных нападений;

d) не подвергать никого, будь то гражданские лица или комбатанты, пыткам и другим видам жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, включая сексуальное насилие;

e) соблюдать запрет на вербовку и использование детей в военных действиях;

f) гуманно обращаться со всеми лицами, содержащимися под стражей, и предоставить беспристрастной, нейтральной и независимой организации регулярный доступ к содержащимся под стражей лицам;

g) защищать гуманитарных работников и содействовать быстрой и беспрепятственной доставке гуманитарных грузов;

h) уважать и защищать школы и больницы, а также поддерживать их гражданский характер;

⁵ S/PRST/2013/15.

i) обеспечить безопасное передвижение и защиту медицинского персонала, больниц и карет скорой помощи;

j) обязаться обеспечивать сохранность вещественных доказательств нарушений и международных преступлений в целях защиты права сирийского народа на установление истины.

158. Комиссия рекомендует правительству Сирийской Арабской Республики:

a) прекратить применение в районах проживания гражданского населения незаконного оружия, в частности зажигательного оружия и других видов оружия, в частности бочковых бомб, которые являются неуправляемыми или плохо управляемыми;

b) разрешить доступ для независимой оценки гуманитарных потребностей в восточном районе Гуты, Ярмуке, Муадамии и старом городе Хомса;

c) разрешить комиссии доступ в страну.

159. Комиссия рекомендует негосударственным вооруженным группам:

a) разрешить доступ для независимой оценки гуманитарных потребностей в Нубуле и Захре;

b) отмежеваться от экстремистских элементов, которые не соблюдают нормы международного права.

160. Комиссия рекомендует странам, имеющим влияние на воюющие стороны, в частности постоянным членам Совета Безопасности, предпринять согласованные действия для оказания давления на стороны в целях прекращения насилия и инициирования всесторонних переговоров в интересах обеспечения устойчивого политического переходного процесса в стране.

161. Комиссия также рекомендует международному сообществу:

a) остановить распространение и поставки оружия, а также принять меры в отношении источников этих поставок;

b) поддержать финансирование гуманитарных операций, открыть доступ к жертвам во всех районах и содействовать расширению операций по оказанию гуманитарной помощи.

162. Комиссия рекомендует Совету по правам человека поддержать вынесенные рекомендации, в том числе посредством препровождения настоящего доклада Генеральному секретарю для доведения до сведения Совета Безопасности в целях принятия надлежащих мер, а также в рамках официальной процедуры представления докладов Генеральной Ассамблеи и Совету Безопасности.

163. Комиссия рекомендует Совету Безопасности:

a) поддержать ее рекомендации;

b) принять надлежащие меры посредством передачи вопроса о сложившейся ситуации на рассмотрение в органы правосудия, возможно в Международный уголовный суд, с учетом того, что в контексте Сирийской Арабской Республики только Совет Безопасности компетентен поступать таким образом;

с) усилить соблюдение и осуществление норм международного права прав человека и международного гуманитарного права за счет использования целого ряда имеющихся у него полномочий и средств в рамках обязательного определения ответственности всех действующих сторон.

Annex I

[English only]

Mission Permanente
de La
République Arabe Syrienne
Genève

الجمهورية العربية السورية
البعثة الدائمة لدى مكتب الأمم المتحدة
جنيف

N°

Geneva, 7 September 2013

The Permanent Mission of the Syrian Arab Republic to the United Nations Office and other International Organizations in Geneva presents its compliments to The Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR), in its capacity as secretariat of the International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic (CoI), has the honor to inform the CoI that the Government of the Syrian Arab Republic extends an invitation to Mrs Carla Del Ponte, in her personal capacity, to visit Syria.

In this context, the Syrian Arab Republic reiterates its readiness to extend all the necessary assistance and cooperation accorded to ensure the success of Mrs. Del Ponte's visit to Syria.

The Permanent Mission of the Syrian Arab Republic avails itself of this opportunity to renew to The Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, the assurances of its highest consideration.

Office of the United Nations High Commission for Human Rights
Palais Wilson

NATIONS UNIES
DROITS DE L'HOMME
HAUT-COMMISSARIAT

UNITED NATIONS
HUMAN RIGHTS
OFFICE OF THE HIGH COMMISSIONER

HAUT-COMMISSARIAT AUX DROITS DE L'HOMME • OFFICE OF THE HIGH COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS

Tel: 41-22-9179989, Fax: 41-22-9179007

Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic established pursuant to
United Nations Human Rights Council Resolutions S-17/1, 19/22, 21/26 and 22/24

The Independent Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic presents its compliments to the Permanent Mission of the Syrian Arab Republic to the United Nations Office in Geneva and specialized institutions in Switzerland.

The Commission has the honour to refer to the Note Verbale from the Permanent Mission dated 7 September 2013, inviting Commissioner Carla Del Ponte to visit the Syrian Arab Republic in her personal capacity.

In this connection, the Commission wishes to inform the Permanent Mission that such a visit would need to be conducted in an official capacity by the Commissioners as a collegial body and that the delegation must include the Chair of the Commission and preferably the full membership of the Commission.

The Commission looks forward to discussing the terms of reference of the visit with the Permanent Mission and avails itself of this opportunity to extend to the Permanent Mission of the Syrian Arab Republic to the United Nations Office in Geneva and specialized institutions in Switzerland, assurances of its highest consideration.

10 September 2013

Permanent Mission of the Syrian Arab Republic
to the United Nations Office in Geneva
and specialized institutions in Switzerland

NATIONS UNIES
DROITS DE L'HOMME
HAUT-COMMISSARIAT

UNITED NATIONS
HUMAN RIGHTS
OFFICE OF THE HIGH COMMISSIONER

HAUT-COMMISSARIAT AUX DROITS DE L'HOMME • OFFICE OF THE HIGH COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS
Tel: 41-22-9179989, Fax: 41-22-9179007

Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic established pursuant to
United Nations Human Rights Council Resolutions S-17/1, 19/22, 21/26 and 22/24

26 September 2013

Excellency,

On behalf of the Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic, I wish to express my appreciation for your letter of 20 September 2013, transmitting the transcript of a recent intercepted telephone conversation. The Commission looks forward to receiving the CD containing the audio version of the conversation, as mentioned in your letter.

Allow me to take this opportunity to welcome the decision of the Government to become a State Party to the 1993 Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction.

As you know, in the context of implementing its mandate of investigating violations of international human rights and humanitarian law, the Commission of Inquiry will continue to investigate the allegations on the use of chemical weapons in Syria. In this regard, the Commission invites the Government to provide it with any other relevant information it may have on the use of chemical weapons in its territory.

In addition, the Commission of Inquiry's investigation will benefit immeasurably from it being given full and unfettered access to the country. It is essential for the voice of the Commission of Inquiry, as an independent and impartial body, be heard on this issue of such significant importance.

I wish to reiterate the readiness of the Commission of Inquiry to engage in a discussion with the Government on the modalities of such a visit.

Please accept, Excellency, the assurances of my highest consideration.

Paulo Sergio Pinheiro

Chair, Independent Commission of Inquiry
on the Syrian Arab Republic

His Excellency
Mr. Faysal Khabbaz Hamoui
Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary
Permanent Representative
Geneva Switzerland

NATIONS UNIES
DROITS DE L'HOMME
HAUT-COMMISSARIAT

UNITED NATIONS
HUMAN RIGHTS
OFFICE OF THE HIGH COMMISSIONER

HAUT-COMMISSARIAT AUX DROITS DE L'HOMME • OFFICE OF THE HIGH COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS
Tel: 41-22-9179989, Fax: 41-22-9179007

Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic established pursuant to
United Nations Human Rights Council Resolutions S-17/1, 19/22, 21/26 and 22/24

The Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic presents its compliments to the Permanent Mission of the Syrian Arab Republic to the United Nations Office in Geneva and specialized institutions in Switzerland.

The Commission will present its last report as part of its current mandate to the Human Rights Council at its 25th session in March 2014. In this context, the Commission wishes to reiterate its request to visit the Syrian Arab Republic in order to gather relevant information for its investigation.

The Commission wishes to underline the important role that the Government could play, especially at this particular juncture, in providing crucial information relevant to the mandate of the Commission, including on the alleged use of chemical weapons.

In this context, Commissioners Carla del Ponte and Vitit Muntarborn, assisted by staff from the Secretariat, would be available to conduct an initial mission to the Syrian Arab Republic in the month of February.

The Commission avails itself of this opportunity to extend to the Permanent Mission of the Syrian Arab Republic to the United Nations Office in Geneva and specialized institutions in Switzerland the assurances of its highest considerations.

Permanent Mission of the Syrian Arab Republic
To the United Nations Office and other
International organisations in Geneva
Geneva, Switzerland

Annex II

[English only]

Political and humanitarian context

Political context

1. Since March 2011, the conflict devolved from a domestic protest movement into a non-international armed conflict. As protests spread from Dara'a governorate to other parts of the country, Government forces resorted to excessive use of force to quell the unrest. In parallel, the Government passed legal and political reforms that failed to diffuse the crisis. As early as July 2011, small groups of army defectors joined by armed civilians engaged with Government forces in restive areas. The Government framed its military response to the unrest in the context of fighting terrorism, while the opposition insisted on its demands for democracy and dignity.

2. In response to the deepening crisis, various opposition currents formed the National Coalition for Syrian Revolutionary and Opposition Forces in November 2012. The Coalition represents a wide array of civilian and political forces including local councils, independent nationalist figures and the Syrian National Council (SNC). The latter forms the largest bloc in the Coalition accounting for 22 of its 66 seats. The Coalition also encompasses the Supreme Military Council (SMC) which is intended to unify armed groups, curb the influence of radical groups and bridge the gap with armed actors. On 25 September 2013, thirteen of the most influential armed groups renounced their affiliation with the SMC and formed the Islamic Front (IF), weakening the credibility of the Coalition. The SNC's latest withdrawal from the Coalition, further undermined the latter's position on the eve of the Geneva 2 talks. Despite broadening its representation base to include the Kurdish National Council (KNC) and members of the internal opposition, some armed and political forces consider that the Coalition lacks effective representation on the ground and it is influenced by external factors. However, the Coalition remains the main political entity, representing the opposition, in the conduct of foreign affairs.

3. Since August 2013, the Islamic State of Iraq and Sham (ISIS) reinforced its control of captured areas in northern Syria, particularly in Al-Raqqah, Aleppo and Idlib countryside as foreign fighters continue to join its ranks. ISIS, an Al-Qaeda affiliate, runs areas under its control through local administrations governed by the strict application of Sharia Law. Those areas are meant to form the foundation of a future Islamic state extending beyond Syria's borders. Over past months, restrictions on civil liberties tightened while human rights violations significantly increased in these areas under the group's control. With the surge of the influence of radical groups, including ISIS, the foreign policy of regional and international actors, is increasingly geared towards addressing the rising threat of extremism.

4. In the Syrian Kurdish regions, this dynamic led to an open conflict between the Salafi Jihadi and Kurdish groups. A PYD-led coalition established an interim Kurdish administration with municipal councils in three provinces, Jazirah, Ayn Al-Arab and Afrin in January 2014. Alongside the KNC's inclusion in the Coalition, both have engaged in policy discussions within the framework of the Supreme Kurdish Council under the auspices of the Kurdish Regional Government in Iraq.

5. The intensity of the conflict reached the threshold of a non-international armed conflict by February 2012 with significant local, regional and international implications. Lebanon's domestic dynamics have been seriously affected by the war in Syria. Political polarization has markedly increased against the backdrop of local parties' conflicting positions on the Syrian conflict. Hezbollah's subsequent direct military involvement on the side of the Government and the mobilization of Sunni fighters to join the ranks of armed opposition groups in Syria aggravated existing sectarian tensions.

6. By the end of 2011, regional cleavages were evident through the positions of various Governments and regional actors either in support of the Syrian Government or the opposition. This regional dynamic increasingly defined the military and political conduct of warring parties and complicated the prospect of a peaceful settlement. On the international stage, differences among the five permanent members of the Security Council prevented an effective approach towards resolving the conflict.

7. The chemical weapons attacks in Damascus governorate on 21 August 2013 and their aftermath have altered the course of international diplomacy vis-à-vis the conflict. As consensus for military action against the Government faltered, a framework agreement was reached between the United States and Russia for the destruction of the Syrian chemical stockpile on 13 September 2013 through Security Council Resolution 2118. Cooperation between the two Governments to broker the agreement signaled a closer approach on the Syrian conflict, particularly on the need for a political settlement. This was a significant departure from their previous positions. International consensus on dealing with the Syrian chemical threat and the need for political settlement led some countries in the region to moderate their approach towards the crisis and accelerated the diplomatic momentum towards the Geneva 2 talks.

8. Despite internal dissension, the Coalition voted in favour of participation in the Geneva II talks which started on 22 January 2014. The basis for the talks, mediated by Joint Special Representative Lakhdar Brahimi, is the June 2012 Communiqué which calls for an immediate ceasefire; the formation of a transitional government with executive powers including representatives from the opposition and the government, maintenance of the territorial integrity of Syria and allowing humanitarian access among other aspects. The nature of the transitional Government and the lack of effective means to enforce a ceasefire on the ground remain serious obstacles. Despite serious impediments, the talks represent the most serious diplomatic initiative so far to resolve the conflict. Emphasis on the need for a political settlement is consistent with the Commission's longstanding position, specifically that there is no military solution to the conflict and that it is only through an inclusive Syrian dialogue that a peaceful transition can be attained.

Humanitarian context

9. Nearly nine million people, more than a third of the population, have fled their homes since March 2011. Of these, over 2.4 million are refugees in neighbouring countries, stretching hosting communities to their limits. One-fifth of Lebanon's population are Syrian refugees. In Jordan, Zaatari camp has become one of the country's largest "cities". Thousands of Syrians are also trying to cross from Egypt or Libya to Italy. Hundreds have perished at sea.

10. An estimated 6.5 million Syrians are internally displaced. Of concern is the situation of approximately 250,000 persons who remain trapped. A third round of vaccinations in response to a polio outbreak was carried out in January 2014, reaching more than two million children. The provision of assistance is, however, increasingly manipulated by all sides, in breach of the principle of non-discrimination. Humanitarian actors continue to work in dangerous conditions across the country.

11. Economic sanctions imposed by some Member States adversely affect the socioeconomic situation. The Syrian Pound has been devalued by over 50 per cent since the outbreak of the crisis. Prices for basic items have risen sharply. Many families are living in abandoned buildings, schools or in makeshift shelters, without sufficient food, water or medicine. Health and sanitation services have deteriorated, leading to the spread of communicable diseases.

12. The second International Pledging Conference for Syria was held in Kuwait City on 15 January 2014. Donors are encouraged to fulfil the \$2.4 billion (of the \$6.5 billion appeal) pledges to help UN agencies and partners provide aid to Syrians affected by the conflict.

Annex III

[English only]

Specific mandate on massacres

1. The Commission continued to carry out its special mandate to investigate all massacres.^a The Commission has not been granted access to conduct investigations on the territory of the Syrian Arab Republic. This has severely hampered its efforts to establish the circumstances of a number of alleged massacres to its evidentiary standard. In many parts of Syria, communication lines, including phone and internet, have been restricted or cut. In the incidents described, the intentional mass killing and identity of the perpetrator were confirmed to the commission's evidentiary standards.

Government forces and pro-Government militia

Qarfah Village, Dara'a, 6 June 2013

2. On 6 June 2013, Government forces and armed men in plain clothes executed five civilians, including a four-year-old girl during an incursion into a private house in Qarfah village. Government forces raided the house after arresting and killing a male member of the family at a military position in Izraa, on the suspicion that he was a member of a non-State armed group.

Al-Zarra, Tal-Kalkh area, Homs, 15 July 2013

3. On 15 July 2013, seven members of a local Reconciliation Committee in the village of Al-Zarra were shot dead by local pro-Government Popular Committee members from a neighbouring Alawite village. The victims were unarmed civilians. Among them were two retired Syrian army officers and a former mayor of a village in the area.

4. The Reconciliation Committee members were killed as they were accompanying unarmed rebels on their way to the State police station in Talkalakh, in order to facilitate their surrender. Their convoy was ambushed near an army checkpoint and attacked by Popular Committee members from a neighbouring village. Neither the Reconciliation Committee members nor those being escorted were carrying arms.

Karnaz, Hama, 26 September 2013

5. On 26 September, eight members of a family were killed in their home by Government forces and pro-Government militia. The massacre occurred as Government forces raided the house in order to confiscate agricultural goods, on the suspicion that they were being used to feed armed opposition fighters. When the mother in the family refused to hand over the foodstuffs, Government forces killed the woman and seven family members.

Non-State armed groups

Jamlah Village (Dara'a), 3 March 2013

^a See A/HRC/22/59, para 42.

6. On 5 March 2013, the Yarmouk Martyrs Brigade executed nine members of the Syrian armed forces who had been captured and were hors de combat. The troops were detained during an attack on a military position in Jamlah village. The captured soldiers were subsequently executed by gunfire.

Khan Al-Assal, Aleppo, 22-23 July 2013

7. On 22 and 23 July NSAGs captured and executed more than 50 government soldiers and a number of civilians during an attack on the town of Khan al-Assal, outside Aleppo. Video material collected online indicates that the detainees were executed by gunfire after their capture by members of the Ansar al-Khilafa Brigade.

Al Hiffa region, Latakia, 4-5 August 2013

8. During the first week of August 2013, more than 100 civilians were killed during a military operation conducted by non-State armed groups. The killings occurred in the context of a military attack that started on 4 August 2013, in which a number of non-State armed groups participated. The operation targeted a cluster of Alawite villages in Al Hiffa, and was referred to by some groups as Operation Liberation of the Coast, or Campaign of the Descendants of Aisha the Mother of Believers by other groups. The main participating non-State armed groups in the operation were Jabhat Al-Nusra, Suqor Al-'Iz, Ahrar Al-Sham, Liwa' Al-Mouhajireen and Harakat Sham Al-Islam, as well as Soqoor Al Sahel Brigade and Western Central Front of SMC. Small local groups from local Sunni villages also participated.

9. Non-State armed groups first attacked a military position on a hilltop around 500 meters from the villages. The position was equipped with tank, rocket launcher and other heavy weaponry, and had been used to fire artillery on the opposition held town of Salma and other areas. After capturing this and other military positions in the area, the fighters moved to attack the nearby villages, including Inbatah, Al-Hamboushiyah and Blouta, in some places engaging Syrian forces in combat, but also firing indiscriminately at civilians and civilian houses. Civilians were killed during this assault, while others were killed while escaping.

10. The victims included men, women and children. During the attack, armed non-State groups also abducted an estimated 200 women and children. Their whereabouts remain unknown. The discovery of mass graves was reported after Government forces regained control of the villages around 16 August 2013. Victims were killed by gunshot or by sharp objects. Several bodies were decapitated, burned or otherwise mutilated.

11. Statements from participating commanders as well as material available online strongly suggest that this specific operation received a financial contribution of 400,000 Euros from an identified individual. A second person of unknown nationality contributed 150,000 Euros to the operation.

Al-Madmouma, Idlib, 26 August 2013

12. On 26 August 2013, several members of a non-State armed group affiliated to Ahrar Al-Sham, attacked the village of Al-Madmouma, near Ma'aret Al-Nu'man. During the night, armed men entered a house and killed 16 civilians, including six children, three women and two elderly men. The killings occurred in the context of disputes between the group and a tribe present in the area.

Maksar Al-Husan, Homs, 10 September 2013

13. On 10 September 2013, 18 civilians were killed in Maksar Al-Husan in the context of a military campaign against a group of three Alawite villages nearby. Non-State armed groups affiliated with Jabhat Al-Nusra and Ahrar Al-Sham Movement conducted the assault. Victims included several elderly women and men, as well as children.

Deir Attiya, Damascus, 20 November 2013

14. Nine medical staff at Basil State Hospital in Qalamoun were taken hostage and killed by members of Islamic State of Iraq and Al-Sham (ISIS) and Al-Khadra Battalion. The killings and the attack on the hospital occurred in the context of an assault against several locations and positions in Deir Attiya city. Government sources reported to have retrieved the bodies of the victims after Government forces regained control of the hospital on 13 November 2013.

Sadad, Homs countryside, 21-28 October 2013

15. On 21 October 2013, multiple non-state armed groups, including Al-Islam Shield battalions affiliated to Maghawir Forces and Jabhat Al-Nusra launched an attack on Government forces based in the Christian town of Sadad. A number of civilians were killed during the ensuing clashes. The perpetrators of the killings have not been established in each incident.

16. Two elderly civilians were shot and killed by members of a non-State armed group. Members of the police force were also killed. Four elderly women were reportedly found shot dead in an area controlled by the armed groups. All killings took place in close quarters.

Unknown perpetrator**Sadad, Homs countryside, October 2013**

17. On 21 October 2013, multiple non-state armed groups launched an attack on Government forces based in the Christian town of Sadad. On 28 October, Syrian Government forces regained full control of Sadad. An entire family, a woman, her two young children, two elderly parents and her mother in law, were later found dead in a well. One of the victims was handcuffed with his arms behind his back and had been gagged with a cloth. All six civilians had been shot in the head. The area in which the victims were found dead had been under the control of the Government. Non-state armed groups had been positioned in a school near the family's home.

Annex IV

[English only]

Without a trace: enforced disappearances in Syria

I. Introduction

1. Women, standing outside detention centres and holding photographs of their disappeared male relatives, have become an enduring image of suffering in Syria. It is an image which speaks to the essence of the violation of enforced disappearance: the taking of a loved one, the desperate search for information through official and unofficial channels, and the torment of those left behind. Those who wait are often the only visible trace of the violation.

2. An enforced disappearance is an arrest, detention or abduction, followed by a refusal to acknowledge the deprivation of liberty or by the concealment of the fate or whereabouts of the disappeared. Cases of enforced disappearances were first documented by the Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic during the pro-democracy protests in March 2011. As the unrest devolved into an armed conflict, the investigation covered practices related to enforced disappearances perpetrated by all parties to the conflict. Investigations uncovered a consistent country-wide pattern in which people – mainly adult males – have been seized by the Syrian security and armed forces, as well as by pro-Government militias, during mass arrests, house searches, at checkpoints and in hospitals. In some instances, the disappearances appeared to have a punitive element, targeting family members of defectors, activists, fighters as well as those believed to be providing medical care to the opposition.

3. Over the last year, specific anti-Government armed groups have begun to abduct certain categories of civilians and hold them hostage. Persons perceived to be supporting the Government, human rights defenders, journalists, activists, humanitarian workers, and religious leaders have been seized by various armed groups and held under the threat of death until their release was negotiated for ransom or a prisoner exchange. Hostage-taking is a war crime, characterized by coercion and the infliction of a threat until the demands of the captor are met.

4. In contrast, enforced disappearance –the subject of this paper– is a denial of the very existence of its victims, placing them outside the protection of the law. Authorities across Syria have refused to provide information about the fate or whereabouts of disappeared. In some instances, there appeared to be a policy of not providing such information to families. Many of those interviewed were too frightened of reprisals to make official inquiries. In some cases, relatives who approached the security services were themselves arrested. The Government has perpetuated a system of arrests and incommunicado detention that is conducive to enforced disappearances. There is also evidence that some anti-Government armed groups have adopted practices that could be considered tantamount to enforced disappearances. This paper charts the major trends and patterns of this phenomenon in Syria from March 2011 to November 2013 and draws from numerous first-hand interviews conducted by the Commission over this period. The Commission regrets that it was not able to access the country. This limited its ability to investigate inside Syria, especially cases of anti-Government armed group abuses.

5. The practice of forcibly disappearing persons is prohibited under customary international humanitarian law, binding all parties to the conflict in Syria. The definition of an enforced disappearance is set out in the United Nations Declaration for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance and the International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance, which crystallises custom. Under international human rights law, an act of enforced disappearance is committed by agents of the State or by persons or groups of persons acting with the authorization, support or acquiescence of the State, thus resulting in a human rights violation. In the context of international humanitarian law, this requirement must be interpreted to include agents of non-State actors, in order for this prohibition to retain significance in situations of non-international armed conflict such as Syria.

6. Under international human rights law, the prohibition of enforced disappearances is a non-derogable State responsibility. No legitimate aim or exceptional circumstances may be invoked to justify the practice of enforced disappearance. When perpetrated as part of a widespread or systematic attack against a civilian population, with the intent of removing a person from the protection of the law for a prolonged period of time and pursuant to or in furtherance of a State or organizational policy, enforced disappearances can amount to a crime against humanity incurring individual criminal responsibility. Enforced disappearances are continuing human rights violations and crimes, persisting for many years after the initial deprivation of liberty.

7. The Criminal Code of the Syrian Arab Republic does not criminalise enforced disappearances as an autonomous crime. Any act of enforced disappearance violates a number of fundamental rights enshrined in the 2012 Syrian Constitution, the Arab Charter on Human Rights and the International Covenant on Civil and Political Rights, to which Syria is party. These rights include the right to liberty and security of persons, the right not to be arbitrarily detained, the right not to be subjected to torture or to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, the right to a fair trial and the right of all persons deprived of their liberty to be treated with humanity and with the inherent dignity of the human person. Enforced disappearances also violate and imperil the right to life.

8. Enforced disappearance, by definition, requires an absence of information about the fate or whereabouts of a loved one. Investigating this violation presents unique challenges as physical evidence is elusive or entirely absent. It can be years before the fate of the disappeared person comes to light, if ever. The truth regarding the fate of the many disappeared in Syria and the extent of the phenomenon of enforced disappearance will likely only fully be grasped in the aftermath of the conflict.

9. The victims of this violation number far beyond the individuals disappeared. The families and loved ones of those disappeared endure a mental anguish that amounts to a further violation of their human rights. It is a continuous violation that remains unabated until the fate of the disappeared is uncovered. To forcibly disappear a person is to negate their being and deny their relatives' right to know the truth.

II. The deprivation of liberty: a targeted campaign

10. Enforced disappearances have been carried out since the beginning of the uprising in Syria. Most disappearances were perpetrated by intelligence and security officers, as well as by the Syrian army, sometimes in conjunction with pro-

government militias acting on behalf of the Government. In all the cases documented, the perpetrators operated with impunity.

11. The violation of enforced disappearance is often a gateway to the commission of other offences, most particularly torture. Survivors of enforced disappearances consistently described being subjected to torture during their detention. In all the instances documented, the victims were denied their fundamental right to due process. They were deprived of contact with the outside world, including close relatives. No legal assistance was provided. They were placed outside the law, at the mercy of their captors.

A. Silencing the opposition

12. Consistent accounts indicate that in the early days of Syria's unrest, enforced disappearances were employed by the Government to silence the opposition and spread fear amongst relatives and friends of demonstrators, activists and bloggers.

13. Military commanders undertook a coordinated policy together with intelligence agencies to target civilian protesters through mass arrests and enforced disappearances in 2011 and early 2012. A former officer of an army brigade operating in Al-Waer in Homs stated that during the army operations in Bab Amr in January 2012, soldiers attacked protesters in the streets while intelligence officers systematically arrested all those who were not killed. Following the attacks against demonstrators, the same brigade carried out house raids, jointly with intelligence officers, indiscriminately arresting more individuals. Their families were never informed of their whereabouts.

14. One survivor, arrested by the Air Force Intelligence in March 2011 after taking part in a demonstration, was transported to the Mezzeh Airport Prison, where he was interrogated and tortured. Subsequently, he was transferred to the premises of the Air Force Intelligence, where a high-ranking officer openly threatened to kill him should he participate in further demonstrations. Throughout his ordeal and despite repeated attempts to locate him, his family was never notified of his arrest, detention and whereabouts.

15. Another interviewee who, together with his cousin, participated in protests in Jisr El Shoughour, Idlib in June 2011, reported that security forces raided his cousin's house shortly after the demonstration, and abducted him from his bed. His cousin was taken to an unknown location and his whereabouts were never disclosed. The interviewee said "on more than one night, my daughter woke up after she heard her mother crying. Every night, we thought that the security services were coming to get us".

16. Consistent testimonies reveal a pattern; the vast majority of those disappeared in 2011 and early 2012 were young men. A man, who defected from the political security branch of Aleppo in March 2012, reported that officers received orders to arrest every young male and adolescent between 16 and 40 years old that participated in demonstrations.

17. The available accounts indicate a policy targeting civilians executed through various organs of the Syrian Government, aimed at stifling the protest movement. Enforced disappearances were employed to instil fear, oppress and assert control over persons taking part in demonstrations against the Government and were undertaken during coordinated attacks on the civilian population.

B. Enforced disappearance as reprisals and punishment

18. In certain cases, enforced disappearances had a strong punitive element, targeting those perceived to be either supportive of the opposition or insufficiently loyal to the Government.

19. Several interviewees indicated that soldiers who refused to execute orders or were suspected of harbouring opposition sympathies were subjected to reprisals, including disappearance. A former army conscript, who operated in the town of Tseel in Dara'a in November 2011, revealed that four of his fellow soldiers were arrested by their superiors after they refused to open fire on a group of peaceful demonstrators. The interviewee never saw them again, inferring that insubordination was punished by disappearance.

20. Relatives of those individuals wanted by the Syrian security apparatus have also been victims of enforced disappearances. A young man, who defected from the Republican Guard in June 2011, explained how his superiors came to his village in Dara'a, three weeks after his defection. They arrested his younger cousin, in an apparent reprisal. His cousin was taken to an unknown location and his fate never uncovered. Another protester reported that after he participated in several peaceful demonstrations in Dael, Dara'a, in March 2011, agents of the Political Security raided his house and forcibly disappeared one of his brothers. He stated plainly, "my brother was probably detained because of me". He believed that his brother's abduction was aimed at instilling fear in the relatives of protesters to deter them from participating in demonstrations.

21. Doctors were disappeared as punishment for their perceived support of anti-Government armed groups. An employee of Zarzor hospital in an anti-Government armed group-held part of Aleppo testified about a series of disappearances targeting medical personnel carried out by the Aleppo Air Force Intelligence between June and December 2012. These disappearances appeared to be aimed at punishing doctors who provided medical services in opposition areas, and deterring others who would consider doing the same.

C. A tactic of war

22. As the unrest devolved into a full-blown conflict, those affiliated or perceived to be affiliated with anti-Government armed groups became targets for disappearance. The initial arrests and abductions most often took place during Government searches of restive areas or at the checkpoints encircling those localities.

23. Bab Amr was the scene of mass arrests and disappearances during ground attacks by Government forces between February and May 2013. In March 2013, clashes between the Free Syrian Army and the national army broke out in the Homs city neighbourhood of Bab Amr. Aided by pro-Government militias, the army raided Bab Amr and abducted several residents whose location and fate remain unknown. In May 2013, campaigns of arrest took place in Hama, many of those taken remain disappeared.

24. Men were also abducted at checkpoints manned by Government-affiliated militias and popular committees. One eyewitness described how his neighbours were arrested at a checkpoint controlled by what he believed to be *shabbiha*, in Al Ghan-too, Homs, on 4 April 2013. Men wearing civilian clothing stopped their car and arrested a man. He was subsequently taken to an unknown location. His family does not know where to look for him. On 8 June 2013, a family of internally displaced

persons was trying to make their way into Jordan when military forces positioned in the Al-Waer neighbourhood of Homs stopped their car at a checkpoint. The husband was arrested and taken to an unknown location, while his wife and children were ordered to return to their hometown, despite on-going violence. He has not been seen or heard from since.

25. As noted in “Assault on medical care in Syria” (A/HRC/24/CRP.2), wounded civilians perceived to be affiliated with the opposition are being disappeared from hospitals. This alarming phenomenon has significantly increased over the past months. An interviewee from Nabak, Dara’a governorate, explained that due to a lack of medical facilities in FSA-controlled areas, injured civilians were forced to go to governmental hospitals, where many disappeared between April and May 2013.

Without a trace

26. Defectors who participated in mass arrests as well as survivors revealed that in the majority of cases, the officers in charge of the initial arrest took the abductees to the premises of their respective security or military branches. Despite the organised nature of the arrests and detentions, authorities often failed to record the personal details of detainees, including those who died in detention, making it difficult to trace them and inform their families. The family of a person arrested in Idlib in September 2011 attempted to determine his whereabouts. The interviewee described how “Wherever they searched, the authorities said that his name was not recorded”.

27. A defector told of a mass arrest in Jisr Al Shoughour, Idlib in June 2011, where those detained were taken to a school that was used as an ad hoc detention facility. There, detainees were subjected to painful and humiliating physical treatment. Their names were never registered rendering any attempts to determine their whereabouts futile. In late August 2011, officers of the Military Security in Latakia arrested four family members of an interviewee and took them to an unknown location. Three weeks later, a young man who was arrested together with the interviewee’s cousins informed him that his relatives had been transferred to the military hospital of Latakia. Upon inquiry, it was discovered that their names never appeared in the hospital’s registry.

Anti-Government armed groups

28. In 2013, specific anti-Government armed groups adopted a practice of hostage-taking, targeting civilians perceived to be supporting the Government, human rights defenders, journalists and religious leaders. The emergence of a pattern of abductions and arbitrary deprivation of liberty has characterized the ever-growing presence of certain armed groups, particularly in northern Syria.

29. The fear of such kidnappings and hostage-takings has gripped the civilian populations living under the control of certain armed groups. The perpetrators seize, detain and threaten to kill their victims in order to coerce a third party – whether the families of the kidnapped, their communities or the Syrian authorities – to fulfill their conditions for the release of the hostage. Such acts, motivated by material gain and extortion, intimidate and coerce the families of the kidnapped and their communities.

30. Hostages are taken with the intent to instrumentalise their liberty and security for ransom or prisoner exchange. Such offenses leave families in a state of uncertainty regarding the whereabouts of their relatives, but do not amount to enforced disap-

pearances as the fate of the victims is not denied or concealed. In the current context in Syria, such conduct may amount to war crimes.

31. Information collected in recent months indicates that opposition armed groups such as the Islamic State of Iraq and Al Sham (ISIS) have taken control of territory in northern Syria and begun to adopt practices, such as incommunicado detention, that may lead to disappearances. In one incident, armed men believed to be members of ISIS were reported to have abducted two civilians on grounds of non-adherence to their interpretation of Islamic dress code. The group later denied holding them in captivity. The whereabouts of the detainees remain unknown.

III. Not knowing: the enduring agony of Syrian families

32. The victims of enforced disappearance are not only those who have been disappeared. Enforced disappearances wreak havoc on families, tearing the social fabric of entire communities. Perpetrators intentionally create a paralysing uncertainty that leaves families hanging between hope and despair. Not knowing whether their loved ones are dead and, if so, what has happened to their bodies, they can neither mourn nor adjust to their loss.

A. A climate of fear

33. Enforced disappearances are characterised by situations where family members fear retaliation if they question the authority of the disappeared person's captors. Where the State maintains a climate in which family members are too intimidated to inquire about detentions by security services, this is tantamount to a refusal or a denial of the person's fate.

34. In Syria, silence and fear shroud enforced disappearances. In several cases, individuals who reported a disappearance were themselves detained. The mother of two young men who disappeared in Idlib in June 2011 reported that her eldest son was arrested when he inquired at the Idlib Military Security Branch about the whereabouts of his brothers. He never returned. One interviewee further reported that while detained in Homs prison in 2012, she met a 60 year-old woman who had been arrested after she went to the Homs Security Branch to inquire about the fate of her disappeared son.

35. The result of such a climate of fear is that only a fraction of the number of disappearances is officially reported because relatives of those disappeared fear being targeted and punished by the authorities.

36. In the overwhelming majority of cases, when asked whether they inquired about the disappearance of their relatives, interviewees reported that they could not approach the authorities because of a well-founded fear of reprisal. Families revealed that attempts to locate their relatives would expose them to a fate similar to their loved ones and may subject the disappeared to greater danger. A young man whose brother disappeared in December 2012 in Homs explained, "Families constantly pray for their relatives, but will not risk sending another family member to detention." Another interviewee, whose son was arrested during a house search by Military Security officers in late October 2012 in Damascus, stated that he did not go to the Military Security branch himself, as he feared that by requesting information, he would also be arrested.

37. Reporting on the arrest of his cousin by pro-Government militias and Air Force Intelligence officers in December 2012 in Nabul, Aleppo, an interviewee explained, "If you go to the branch to ask about detainees, they will interrogate you. If you are a man, you will be tortured and detained too. If you are a woman, they will harm you and might detain you instead."

B. A policy of concealment

38. Syrian families are in desperate need of official acknowledgment of what has happened to their relatives. An indication of this desperation are the 30 requests seeking official information from the Government, filed by Syrian families to the United Nations Working Group on Enforced or Involuntary Disappearances, over the course of 2012 (A/HRC/22/45).

39. Those who dared to approach the authorities to inquire about a loved one faced a systematic refusal to disclose the fate or whereabouts of the disappeared or to even acknowledge the deprivation of liberty. One survivor, who was arrested by pro-Government militias and Air Force Military Security officers in Latakia in July 2012, recalled the shock of his family upon his release, "No one informed my family about my detention; no one would dare ask the Air Force Military Security about their relatives. If you asked, no one would tell you." A relative of a man arrested in Naime, Dara'a, in 2011 stated, "His mother searched everywhere, but received no information from anyone".

40. The brother of a former Syrian Air Defence Force officer reported that after he decided to defect, in December 2011, his brother called his family expressing serious fears of being arrested or punished. This phone call was the last anyone heard of him. The interviewee explained that his family repeatedly approached all Syrian security services, including the Air Force Intelligence, the police, the army, and the state security services. He further described how they had to use intermediaries to approach the Air Force Intelligence, whose officers were instructed to fire upon anyone who came within 300 metres of their building. Despite the measures taken by the interviewee and his family, each security apparatus denied any knowledge of the arrest, detention or whereabouts of his brother.

41. A doctor who survived a disappearance in 2011 explained that after months of searching, his family managed to locate his place of detention. However, when they directly inquired to the authorities administering the detention facility, the authorities denied that their relative was held there.

42. In a revealing account, a man who defected from the Hama Air Force Intelligence at the end of 2012, described orders he received not to provide information about the whereabouts of detainees or to speak to their relatives. He added that cameras were placed at the gates of the Air Force Intelligence premises, to monitor the officers and deter them from speaking to families inquiring about their relatives.

43. In some instances, the families only discover the fate of the disappeared when their bodies are recovered or in a minority of cases, are returned to them. However, several accounts indicate that Government forces take deliberate steps to conceal the cause and circumstances of the death, violating the families' right to truth. Interviewees who had lost families members consistently described how their bodies were returned by Government authorities without explanation. In April 2011, a child was arrested in Dara'a, and taken to an Air Force Intelligence facility in Damascus. His family searched for their son in hospitals to no avail, fearing that he had been detained or killed. His body, bearing extensive signs of torture, was returned to his

family in June 2011. No information was provided about the grounds for his detention or the circumstances of his death. The father of a young activist, arrested by security forces in late July 2012 in Latakia and whose whereabouts were unknown, received a phone call eleven days after his son's disappearance. He was asked to go to Damascus to recover the body of his son, who, he was told, had been killed in a car accident. The body bore traces of severe torture.

C. The anguish

44. The heart of the anguish suffered by families lies in the authorities' systematic refusal to acknowledge the deprivation of liberty or to disclose any information about the relatives. Across Syria, parents, siblings, husbands, wives, children and friends wait anxiously to know the fate or whereabouts of their loved ones. Not knowing whether the disappeared is still alive, and if so in what state of health and under which conditions, causes a level of grief impossible to convey. The secrecy surrounding the fate of the disappeared has the effect of intimidating and punishing families by leaving them in a state of uncertainty and mental distress. This mental anguish may rise to the level of torture or inhuman treatment and makes entire families the victims of enforced disappearances.

45. The husband of a woman abducted by Military Intelligence officers in Hama in December 2011 and whose whereabouts were never disclosed, explained how traumatized his two-year old daughter has been since, "She cries when she sees a military uniform".

46. Consistent accounts have revealed that the principal means to obtain information is when a fellow detainee is released. A man held for over a year in the Military Police Branch of Hama described, in a harrowing account, how immediately after his release in May 2013, he was assailed by dozens of women thrusting photographs of their husbands, sons and fathers towards him. Another interviewee, released after a court hearing in Damascus in August 2013, was confronted with hundreds of people waiting outside the court, begging for news of their loved ones, in the hope that he had seen them in detention.

47. The desperation of families has left them vulnerable to extortion. Some pay bribes to those who, often falsely, claim they can provide information. One interviewee reported that his cousin, who had participated in peaceful demonstrations in Latakia, was arrested mid-2011 by Government security forces and taken to an unknown location. His family was too frightened to approach the forces responsible for his arrest. Instead they paid a bribe to a person who claimed to be connected to the security forces. This middleman informed the family that the disappeared was detained in the Air Force Intelligence detention centre. Shortly afterwards, the contact revealed, for more money, that he had been killed.

48. Another interviewee reported that his cousin was arrested by security officers on his way to Damascus in September 2013 and taken to an unknown location. His family learned of his arrest from a taxi driver who witnessed it. The disappeared's father repeatedly inquired about the fate and whereabouts of his son, to no avail. Only after he bribed one of his contacts was he able to learn that security officers belonging to the 4th Army Division had arrested his son for having published pro-opposition messages on a social media webpage. He was, however, unable to obtain any information about his son's location or state of health. The interviewee insisted that less privileged families are abandoned to their grief, saying that it was only because his uncle "had money and contacts" that he was able to obtain some information.

49. Besides the grave emotional and psychosocial impact, families also often have to cope with the economic consequences of disappearances. The absence of the main breadwinner creates financial difficulties that add to the extreme vulnerability of families. Women and children face specific hardships. The uncertainty created by the disappearance of their husbands or fathers has social and legal consequences, including on the status of marriage, right to inheritance and social welfare, and the management of the property of the disappeared person. Children of disappeared experience acute suffering with the loss of a parent. One young woman interviewed about the disappearance of her husband stated “I do not know how to live and care for my young children without their father”.

50. Syrian authorities created a climate of intimidation such that families did not dare inquire about their loved ones or file any formal complaints, and systematically denied the disappearance or refused to disclose any information. They also violated their duty to duly investigate enforced disappearances. The Government has further violated families’ non-derogable right to know the truth regarding the circumstances of the enforced disappearance, the progress and results of the investigation and the fate of the disappeared person.

IV. Conclusions and Recommendations

51. The accounts presented in this paper only hint at the scope of the crisis of enforced disappearance in Syria and the state of fear in which ordinary citizens live.

52. Enforced disappearances are perpetrated as part of a widespread campaign of terror against the civilian population. Government forces have engaged in enforced disappearance in violation of their international legal obligations. Given the geographic spread of the documented cases and the consistent manner in which abductions and arrests are carried out, there are reasonable grounds to believe that enforced disappearances were committed by Government forces, as part of a widespread and systematic attack against the civilian population, and therefore amount to a crime against humanity.

53. The direct victims of enforced disappearances were systematically denied their fundamental human rights, more particularly their rights not to be arbitrarily detained, not to be subjected to torture or to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, as well as their rights to liberty and security, to be recognized as a person before the law and to be treated with humanity and with the inherent dignity of the human person.

54. By failing to acknowledge the deprivation of liberty, the Government has violated the family’s right to the truth. The ensuing mental anguish suffered may breach family members’ rights not to be subjected to torture or to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. Where family members have been arrested when they sought to make inquiries from the authorities, their rights to liberty and security have also been violated.

55. The absence of an autonomous definition of enforced disappearance in the Syrian Criminal Code and the lack of an official register or bureau that manages records of detainees and responds to inquiries made by relatives, contributes to a system that is conducive to enforced disappearances. Moreover, the persistent failure to notify the families of the fate or whereabouts of their loved ones coupled with the systematic practice of withholding information, reprisals, bribery or intimidation in response to the search for information by relatives, and the absence of genuine investigations into allegations of disappearances, constitute the many factors that create an

environment of impunity in Syria. Such a climate not only contributes to the perpetuation of the phenomenon of enforced disappearance, but is also a major obstacle to the elucidation of its true extent.

56. International human rights law imposes on Syria the obligation to take all appropriate measures to investigate enforced disappearances and to bring those responsible to justice.

57. Disappearances are losses that cannot be mourned. They bear consequences on the individuals, their families and the community as a whole and will remain among Syria's deepest wounds. The damage inflicted upon the victims, including their relatives, is permanent and irreparable. Reconciliation cannot happen until each individual case of enforced disappearance is clarified and the perpetrators brought to justice. No statute of limitations applies to this violation. Investigating each case of enforced disappearance will remain the responsibility of the Syrian state regardless of the Government in power.

The Commission recommends that the Government of Syria:

- i. Inform families of the whereabouts of all persons in their custody;
- ii. Ensure that all those detained are registered, and afforded legal review of the grounds of their detention;
- iii. When a disappeared person is found dead, return the remains to the family and inform them of the circumstances of the death;
- iv. Ratify the International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance and recognise the competence of the Committee under Articles 31 and 32 of the Convention;
- v. Ensure that all cases of enforced disappearance as well as acts tantamount to enforced disappearances are duly investigated, that those responsible are prosecuted, and, where appropriate, punished;
- vi. Ensure that military commanders and civilian superiors enforce the prohibition of enforced disappearances within their ranks and among their subordinates;
- vii. Ensure that those involved in the search for victims of enforced disappearance, notably the relatives, have full and unimpeded access to justice and are protected against ill-treatment, intimidation or reprisal. To that effect, effective victim and witness protection measures, offering guarantees of safety for those who wish to lodge a complaint or testify, should be established;
- viii. Survivors and families of disappeared should also be granted reparations that include rehabilitation, satisfaction, compensation and, in particular, psychological and social support for the relatives;
- ix. To the extent possible, special social and financial support should be provided to dependent women and children.

The Commission recommends that anti-Government armed groups:

- i. Ensure that military commanders enforce the prohibition of enforced disappearances;
- ii. Take all feasible measures to account for persons reported disappeared as a result of the armed conflict;
- iii. Provide the family members of disappeared with any information concerning their fate and whereabouts;
- iv. Register and hold all detainees in a recognized place of detention;
- v. Promptly inform the detainees of the reasons for their detention;
- vi. Ensure that any person deprived of liberty has contact with the exterior, including legal assistance.

The Commission recommends that all parties to the conflict:

- i. Maintain an updated register of all persons deprived of liberty;
- ii. Set up a process to centralize information on persons deprived of liberty, to transmit such information to their next of kin directly or through a neutral intermediary, and to respond to inquiries about the whereabouts of disappeared persons;
- iii. Ensure that any person deprived of liberty is held in a recognized place of detention and has the opportunity to challenge his or her detention before an independent and impartial body.

Annex V

[English only]

Government detention centres

1. The majority of detainees interviewed by the Commission stated that they had been tortured or ill-treated during their interrogation. Methods of torture documented by the Commission were consistent across the country. They included mock executions; electric shocks applied to sensitive parts of the body, including genitals; cigarettes burns; and beating with electric cables, whips, metal and wooden sticks and rifle butts. There were multiple reports of detainees being beaten about the head and on the soles of the feet. The Commission also received reports of detainees being placed into prolonged stress positions (shabeh) and the use of vehicle tires to hold hands and feet in uncomfortable positions (dulab) while beatings were administered. In many of the interviews, scars and wounds, consistent with their accounts, were still visible.^b Detainees were denied medical care, left to die of chronic illnesses and untreated wounds and injuries. Children were often detained in the same detention facilities as adults and subject to the same levels of torture. As prisons have become overcrowded, the detention conditions have become deplorable. Sanitary facilities are limited and inadequate, spreading illnesses among detainees. Detainees are not accorded adequate food, leading to reports of starvation and malnourishment.

2. The list presented below identifies the Government detention facilities in which cases of torture have been documented. Others cases of tortures have also been documented in other locations controlled by Government forces, such as ad hoc detention places or checkpoints, which were not included in this list.

Governorate	City	Ministry	Service	Location
Aleppo	Aleppo	Ministry for Internal Affairs	Political Security Directorate	Political Security, Aleppo Branch
		Ministry of Defence	Military Intelligence Directorate	Military Security, "Palestine" Branch 235
			Air Force Intelligence	Air Force Intelligence, Aleppo Branch
Damascus	Damascus	Ministry of Defence	Air Force Intelligence	Air Force Intelligence, Damascus Branch - Bab Tuma
			Military Intelligence Directorate	Military Security, Raids Branch 215
			Military Intelligence Directorate	Military Security, Branch 227

^b Para. 77, A/HRC/20/CRP.1

			Military Intelligence Directorate	Military Security, Damascus Branch – Al Fehar	
		Ministry for Internal Affairs	General Security Directorate	State Security, Investigation Branch 285	
			Syrian Police	Criminal Division, Damascus Branch	
	Qaboun	Ministry of Defence	Syrian Army	Military Police Headquarters	
	Sednaya	Ministry of Defence	Syrian Army	Military Prison	
	Mezzeh	Ministry of Defence	Air Force Intelligence	Mezzeh Airport Air Force Intelligence Investigation Center	
			Syrian Army	Republican Guard Headquarters	
			Syrian Army	Military Hospital	
	Kafr Sousa	Ministry of Defence	Military Intelligence Directorate	Military Security, Branch 227	
		Ministry for Internal Affairs	General Security Directorate	State Security, Kafar Sousa Branch	
	Dara'a	Dara'a	Ministry of Defence	Military Intelligence Directorate	Military Security, Dara'a Branch 265
			Ministry of Defence	Air Force Intelligence	Air Force Intelligence, Dara'a Branch
				Political Security Directorate	Political Security, Dara'a Branch
Dara'a		Ministry for Internal Affairs	General Security Directorate	State Security, Dara'a Branch	
			Syrian Police	Criminal Division, Dara'a Branch	
Izra'a		Ministry of Defence	Military Intelligence Directorate	Military Security, Izra'a Branch	
			Syrian Army	38 th Brigade	

	Gharaz	Ministry for Internal Affairs	Prison Division	Gharaz Central prison
Hama	Hama	Ministry for Internal Affairs	General Security Directorate	State Security, Hama Branch
Homs	Homs	Ministry for Internal Affairs	Prison Division	Homs Central Prison
		Ministry of Defence	Air Force Intelligence	Air Force Intelligence, Homs Branch – Bab Tuma
			Military Intelligence Directorate	Military Security, Homs Branch
			Syrian Army	Homs Military Prison
Idlib	Idlib	Ministry for Internal Affairs	Prison Division	Idlib Central Prison
		Ministry of Defence	Military Intelligence Directorate	Military Security, Idlib Branch
	Jisr Al Shughour	Ministry of Defence	Military Intelligence Directorate	Military Security, Jisr Al Shughour Branch
		Ministry for Internal Affairs	Political Security Directorate	Political Security, Jisr Al Shughour Branch
Latakia	Latakia	Ministry of Defence	Military Intelligence Directorate	Military Security, Latakia Branch
		Ministry for Internal Affairs	Political Security Directorate	Political Security, Latakia Branch
Reef Damascus	Adra	Ministry for Internal Affairs	Prison Division	Adra Central prison
	Duma	Ministry for Internal Affairs	General Security Directorate	State Security, Duma Branch
	Harasta	Ministry of Defence	Air Force Intelligence	Air Force Intelligence, Harasta Branch
		Ministry	Prison Division	Harasta Central Prison

		for Internal Affairs		
Tartus	Banyas	Ministry of Defence	Military Intelligence Directorate	Military Security, Banyas Branch
		Ministry for Internal Affairs	Political Security Directorate	Political Security, Banyas Branch
	Tartus	Ministry of Defence	Military Intelligence Directorate	Military Security, Tartus Branch
		Ministry for Internal Affairs	Political Security Directorate	Political Security, Tartus Branch
			General Security Directorate	State Security, Tartus Branch

Annex VI

[English only]

Use of barrel bombs

1. Barrel bombs, also called explosive barrels, are makeshift explosive devices increasingly employed by the Syrian Air Force against opposition strongholds in Syria.
2. The use of barrel-bombs by Government forces was first documented in August 2012 in Homs city and Al-Qusayr in Homs governorate. In September 2012, army helicopters dropped barrel bombs on opposition-controlled neighbourhoods of Aleppo city. Since then, they have increasingly formed part of the arsenal of Government forces, with devastating consequences for civilians and civilian objects.
3. Cheaper than conventional munitions and deliverable by transport helicopters, they are made from simple containers packed with explosives, scrap metal, and in many cases additional incendiary material. Locally made in different shapes, sizes and composition, they lack exact technical specifications available with conventional projectiles, in terms of accuracy and lethality. The enhanced anti-aircraft capabilities of non-State armed groups have forced Government helicopters to fly at higher altitudes, further reducing their accuracy.
4. The use of barrel bombs, in this manner, is indiscriminate. In areas where armed group fighters were present, Government forces treated clearly separate and distinct military objectives located in densely populated areas with high concentrations of civilians, as a single military objective. The use of barrel bombs in this context amounts to 'area bombardment', prohibited under international humanitarian law. Such bombardments spread of terror among the civilian population. Some barrel bombs are constructed as rudimentary incendiary weapons, causing superfluous injury and unnecessary suffering.
5. Since 15 July 2013, barrel-bombs have been dropped on civilian-inhabited areas in Idlib, Hama, Al-Raqqa, Aleppo, Dara'a and Damascus governorates. Aleppo city and Daraya in Damascus countryside suffered intense and highly lethal attacks with barrel-bombs between November 2013 and January 2014.
6. Civilians are killed in the initial blast, in the shrapnel that results and from the collapse of buildings in and around the impact site. Video footage of barrel bomb explosions and their aftermath show the loss of limbs and deep cuts as a result of shrapnel injuries. The impact of the Government's campaign of barrel-bombing of civilian-inhabited areas extends beyond mass civilian casualties.
7. The terror that the Government's barrel-bombing campaigns generate should not be underestimated. Barrel-bombs, particularly when dropped from high altitudes, cannot be properly targeted. Nor is it likely that anyone at the impact site would survive the initial blast. The Government does not provide early warning of attacks and there is little chance of being able to move from the area once a barrel bomb is released from a helicopter overhead. Victims of barrel bombs emphasized the extreme fear and mental suffering they felt as they came under attack. Survivors and witnesses consistently described that as a result of the barrel bombing campaign, much of the civilian population lived in a state of terror.

8. The impact of barrel bombs causes the collapse of buildings around its explosion, leaving neighbourhoods in ruins. Where such buildings are residences, this further contributes to the mass displacement of civilians inside Syria and over its borders.

Idlib governorate

9. On 14 July, a helicopter released three barrel bombs on Al-Bara market and residential areas in Al-Bara. The first barrel hit a truck carrying fuel, causing a massive blaze killing the driver and 5 nearby civilians. The bodies were burnt almost beyond recognition. Others sustained serious injuries, including a loss of limbs. The other two barrels hit residential buildings, destroying them but causing no casualties.

10. In the last two weeks of July, Saraqib came under intense shelling and aerial bombardment by Government forces. This attack included the heavy use of barrel bombs on 18, 19, 20, 27, 28 and 31 July. In the course of this sustained assault, scores of civilians were killed and many more injured. As buildings collapsed under the bombardments, families were buried in the rubble. In the 31 July attack, four civilians, including women and children, were killed when a barrel bomb exploded as it struck their house.

11. Throughout August, the Jabal Al-Zawiya region in southern Idlib countryside was bombarded by barrel-bombs. In two separate instances in August 2013, army helicopters dropped barrel bombs into villages populated by significant numbers of civilians. In the first attack, taking place in the second week of August, two children and a woman were seriously injured. One of the children lost a limb to shrapnel. In the second attack, which took place days later, the bomb hit a residential building. The building was flattened and its occupants, a family of 6 children and their parents, were killed.

12. On 3 August, shortly before the breaking of the Ramadan fast, a helicopter dropped five barrels bombs on civilian houses in Balyoun village. The impact killed a 40-year-old woman and injured three others, including a three-year-old boy. Three buildings were flattened. Two days later, on 5 August, several barrel bombs were dropped on the market in Balyoun, killing 20 people outright and injuring dozens. An unknown number of additional civilians were killed when the building collapsed on them due to the force of the blast. A large number of houses were destroyed, further fuelling the displacement of residents to other areas.

13. On 18 August, two barrel bombs were released over Bdama, a town to the south-west of Jisr Al-Shughour near the Turkish border. The first hit a residential neighbourhood, killing four civilians including two boys, aged 13 and 7 years. An unspecified number of people were injured and there was significant property damage. The second hit civilian homes in a nearby neighbourhood, killing at least 5 and severely injuring 20 people. Further casualties resulted from the collapse of houses near the impact site.

14. On 25 September, barrel bombs were dropped on Maarat Hurmah from a helicopter hovering high overhead. The village lies 13 km south of Ma'rat Al-Numan. Six people were killed, including three women and two children.

15. On 8 October, a Government helicopter dropped a barrel bomb on Bizabur, a village just south of Ariha. In the same month, Government forces used barrel bombs on Al-Hobait in southern Idlib. In one attack, the bomb landed on a family home, killing a woman, her two teenage daughters and two sons.

16. On 11 October, the Government launched a barrel bomb attack on Kansafra, a town with approximately 30,000 inhabitants, situated 20km west of Maarat Al-Numan. The explosion, the shrapnel generated and the collapse of approximately five building caused mass civilian casualties.

Hama governorate

17. Government helicopters, flying at high altitudes, dropped barrel bombs on towns and villages inhabited by civilians in Hama governorate. On 9 August, the Government targeted Al-Hawwash with barrel-bombs, causing significant civilian death and injuries. On 14 October, on Eid Al-Adha, Government helicopters launched six aerial strikes, dropping barrel bombs on each occasion. Two people were killed, including one child while 20 were injured. The next day, helicopters targeted Al-Latamneh with three barrel bombs. One hit a house, killing three children from one family.

Al-Raqqah governorate

18. Government helicopters dropped barrels bombs on Al-Raqqah city in July and August 2013. In all instances documented, there were significant civilians casualties, a high proportion of which were children.

19. On 30 July, shortly before the breaking of the Ramadan fast, a helicopter flew over the Al-Raqqah city twice, dropping two barrel bombs in each sortie. The residential areas of Ta'meer and Badow were hit, killing 13 civilians including 7 children and 3 women. Twenty people were injured and there was significant damage to houses.

20. On 2 August 2013, a helicopter dropped two barrel bombs in two consecutive raids on residential areas. While one hit a vacant park, the other struck a residential building, killing a woman and her brother. Thirty-two others were injured.

21. On 10 August, four barrel bombs were dropped on residential areas, again in Al-Raqqah city, killing 36 people and injuring many more.

Aleppo governorate

22. The campaign of shelling and aerial bombardment of Aleppo governorate has been prosecuted with shocking intensity. The Government's on-going campaign has made liberal use of barrel bombs on Al-Safirah in September and on Aleppo city and the Al-Bab region in particular, between November 2013 and January 2014.

23. Al-Safirah, a town 25 kilometres east of Aleppo city, is home to a large number of internally displaced persons, many of whom live in a camp on the outskirts of the town. In early September, Government helicopters released several barrel bombs over Al-Safirah and its IDP camp. While rebel fighters were present in the town and numbered among the casualties, the majority of those killed were civilians. The shelling and bombardment, including with barrel bombs, continued into October. On 20 October, civilians fleeing the town were killed in barrel bomb attacks on their vehicles.

24. Barrel bombs were dropped by Government helicopters on Aleppo city throughout November and December. Attacks have continued into January 2014. Use of barrels bombs in Aleppo city was documented as taking place on 23 November, on 9, 16, 17, 20, 24, 28 December and on 1 January 2014. Across the span of these attacks, several hundred of civilians have been killed, many of them children.

25. On 23 November, a helicopter targeted Al-Marjeh neighbourhood in Aleppo city with three barrel bombs. Twenty-eight people were killed and 25 others were injured. All the victims were civilians. Ten civilian homes were also destroyed. On the same day, barrel bombs exploded in a vegetable market in Tariq Al-Bab neighbourhood, killing 25 civilians, many of them women and children. The blast caused a fire which led to further civilian casualties and injuries.

26. On 9 December, a barrel bomb exploded near to a school and a medical point in Al-Zabedia neighbourhood. At least four people were killed, including a pregnant woman. All victims were civilians.
27. On 17 December, Government helicopters targeted civilians gathering in a crowded market in Al-Maadi neighbourhood. Twenty people were killed, including three women and five children. Some survivors lost limbs.
28. On 20 December, a barrel bomb was dropped on a family home in Al-Sukkari neighbourhood. Five civilians were killed including one woman and two children. At least forty were injured including a five-year-old boy. Due to shrapnel injuries to the head, the boy now has limited ability to move and speak. Ten residential buildings were destroyed.
29. Again on 24 December, multiple barrel bombs struck Al-Sukkari neighbourhood. The bombs fell on residential areas and the shopping district. At least 30 people were killed and more injured. Twelve residential building collapsed. One bomb hit a gas station, causing deaths by burning as well as serious injuries. Another bomb hit a mosque where children were receiving religious instruction. Consequently many children were killed.
30. At noon on 28 December, a Government helicopter released multiple barrel bombs over Al-Myasser neighbourhood. One of the injured was a 14-year-old boy who received shrapnel injuries to the head. He underwent an operation to remove the shrapnel from his brain but this proved unsuccessful. Consequently, the boy has lost the ability to speak and is partially paralysed. In a separate barrel bomb attack, helicopters dropped barrel bombs on a vegetable market, while civilians sought to buy food. Over 25 people were killed.
31. On 1 January, a helicopter also dropped barrel bombs on Al-Sukkari neighbourhood. The bombs landed in the main shopping area, killing 20 people and injuring many others. Commercial premises were destroyed.
32. Barrel bomb attacks occurred in Al-Bab on 30 November, 1 December and 12 January 2014.
33. Government forces dropped barrel bombs on other civilian-inhabited towns and villages in Aleppo governorate. On 21 November, a helicopter dropped barrel bombs on Souran, killing 14 civilians, including women and children. At least one man, a passenger in a car, lost his leg in a shrapnel injury.
34. On 23 November, helicopters targeted the industrial zone of Sheikh Najar with barrel bombs. Three people – civilian workers – were killed. There were an unspecified number of injuries as well as significant destruction of property. On the same day, helicopters released barrel bombs over Tadeif, south of Al-Bab city killing 15 people. Children were among the dead. One bomb struck a fuel seller. The ensuing blaze burnt people to death and caused serious burns to survivors.
35. On 28 November, a Government helicopter dropped barrel bombs over Dawar Qadi Askar during the day when people were out shopping. At least 14 people were killed including children and one pregnant woman. The barrel bombs caused a residential building to collapse and severed the main water supply line.
36. On 19 December, a nine-year-old girl lost both of her legs in a barrel bomb attack on Hreitan. The girl was playing with some other children on the roof of her apartment block when they heard the sounds of a helicopter overhead. The helicopter was flying too high to be visible. While the other children ran, the girl was the last off the roof and lost her limbs in a shrapnel injury. On the same day, in a barrel bomb attack on Minbij, five civilians, including three children, were killed and nine were injured. A residential building and several cars were also destroyed.

Dara'a governorate

37. December 2013 and January 2014 saw an increase in the use of barrel-bombs.

38. In mid-December, a warship helicopter dropped barrel bombs on Jasem city, killing over twenty civilians. On 3 January 2014, barrel bombs were dropped from helicopters on residential areas in Inkhil and Jasem, following an attack by armed group fighters' on an army checkpoint.

Damascus governorate

39. January 2014 saw a dramatic increase in the use of barrel-bombs on Damascus governorate, with Daraya being particularly hard hit.

40. On 7 January 2014, barrel bombs killed an unspecified number of civilians in Douma, a suburb of Damascus city. On 14 January, Government helicopters dropped barrel bombs on civilian-inhabited areas in Daraya, Arbin and Zabadani, all in the Damascus countryside. This campaign is ongoing.

Conclusion

41. Government forces consistently failed to employ precision weapons when attacking targets in dense urban areas. Repeatedly throughout the reporting period, they deployed highly imprecise munitions with an expansive impact zone. Inevitably, these weapons killed and injured large numbers of civilians. Such weapons included barrel bombs.

42. Where barrel bombs were built as de facto incendiary weapons, they also violated rules of international humanitarian law prohibiting the use of weapons that cause superfluous injury, unnecessary suffering or that are indiscriminate by nature.

43. Government helicopters dropped barrel bombs in the hours before break of fast during Ramadan, on fuel depots, and on busy market areas. The information strongly indicates that the manner in which the attacks were carried out, the timing and duration of the attacks demonstrates that the aim of the Government's campaign of barrel-bombing was to terrorise the civilian population present in the areas attacked, with the clear message that no civilian was safe anywhere at any time of the day or night.

Annex VII

[English only]

Assaults on medical care

I. Introduction

1. The deliberate targeting of hospitals, medical personnel and transports, the denial of access to medical care, and ill-treatment of the sick and wounded, has been one of the most alarming features of the Syrian conflict. According to multiple accounts collected by the Commission of Inquiry, Government forces and affiliated militias interfere with and instrumentalise medical care to further strategic and military aims. Evidence collected by the Commission leads to an overwhelming conclusion: Government forces deny medical care to those from opposition-controlled and affiliated areas as a matter of policy. The policy is implemented through attacks on medical units, by endangering hospitals, targeting medical personnel, and interfering with patients receiving treatment. Victims relay harrowing accounts of the wounded and sick languishing at checkpoints unable to reach medical treatment, coming under renewed attack in hospital and doctors providing impartial aid being arrested and targeted. There is also evidence that some anti-Government armed groups have attacked hospitals in certain areas.

2. Article 3, common to the four Geneva Conventions of 1949, binding all parties to the non-international armed conflict in Syria, requires the wounded and sick be collected and cared for. Customary international humanitarian law also affords special protection to hospitals, medical units and healthcare personnel. Under Syria's constitution, adopted in 2012, the Government must "protect citizen's health and provide means of prevention, treatment and medication." International Human Rights Law prohibits the arbitrary deprivation of life. The right to health, enshrined in the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, to which Syria is party, contains a non-derogable core obligation to ensure the right of access to health facilities, goods and services on a non-discriminatory basis, especially for vulnerable or marginalized groups, as set out in General Comment No. 14. Intentionally directing attacks against hospitals and places containing the sick and the wounded and against medical units using the Red Cross or Red Crescent emblem is a war crime in non-international armed conflict.

3. The Commission is presenting this thematic conference room paper to the 24th session of the Human Rights Council to highlight an enduring and underreported trend in the ongoing conflict. The findings that follow are emblematic examples documented by the Commission working within its methodological limitations and within the constraints on access imposed by the Government. The incidents described are indicative of wider patterns. The denial of medical care as a weapon of war is a distinct and chilling reality of the war in Syria. By rejecting the irrefutable and universally accepted principle that those wounded in hostilities must be treated, the parties to the conflict in Syria are setting a dangerous precedent.

II. Attacks on hospitals and medical units

4. Since the beginning of Syria's unrest, Government forces have strategically assaulted hospitals and medical units to deprive persons perceived to be affiliated with the

opposition of medical care. In an early example, Special Forces raided and closed down a hospital in Mouadamieh, Damascus because it treated injured protesters. They arrested patients, doctors and nurses.

5. As the violence escalated in early 2012, Government forces bombed and shelled opposition-operated field hospitals providing treatment to the wounded. The pattern of attacks indicates that Government forces deliberately targeted hospitals and medical units to gain military advantage by depriving anti-Government armed groups and their perceived supporters of medical assistance. These attacks continue to date.

6. In Homs, hospitals and medical units came under violent attack throughout 2012. In February and March, Government forces shelled field hospitals in Bab Amr from nearby villages. Three field hospitals providing emergency first aid were hit multiple times, causing considerable damage. The operating room of one field hospital was entirely destroyed. According to one victim, "The only warning was the noise made by the shell as it was fired." Following aerial surveillance by Government helicopters, a field hospital in Al Qusayr received repeated artillery fire throughout May and June. Medical staff explained that the hospital did not use distinctive emblems, so as not to attract fire from Government forces.

7. Government forces repeatedly targeted hospitals in Tal Rifat during military operations in northern Aleppo governorate between April and August 2012. On 5 April, a private hospital was aerially bombarded, reportedly from Mennagh airport. Also in April, Tal Rifat public hospital was destroyed by airstrikes and forced to close. Field hospitals attempted to continue providing care but were attacked by fighter jets from May to early August. There was a strong belief among survivors that the hospitals were targeted because they provided treatment to opposition fighters and civilians affiliated with the opposition.

8. As anti-Government groups took control of eastern and southern Aleppo city on 19 July 2012, Al Zarzou Hospital in Ansari neighbourhood came under mortar fire by Government forces, damaging the fifth floor and forcing an evacuation of patients. The hospital became administered by the opposition-affiliated Aleppo City Medical Council and was subsequently attacked by Government mortars in December 2012 and aerially bombarded in February and March 2013, causing considerable damage.

9. Aleppo's Dar Al Shifa public hospital also suffered repeated attacks between August and November 2012. On 12 August, helicopters fired artillery shells at the hospital, and in early October rockets hit the hospital. On 12 November, the hospital was targeted by a missile strike. These attacks injured and killed civilians receiving treatment in the hospital and medical personnel, significantly damaged the hospital's infrastructure and substantially reduced its ability to treat patients. On 11 August 2012, the state hospital in Tafas, Dara'a was attacked after helicopters surveyed the area. Patients receiving treatment at the time were evacuated, while others were killed in the attack. On 20 June 2013, a fighter jet dropped a bomb on the National Hospital of Al Raqqa, causing the total destruction of the intensive care unit and injuring three medical staff members.

10. In June 2012, Government forces began a concerted targeting campaign on field hospitals in Al Haffe, Latakia. One field hospital, located in a private home in Jingil village, was shelled on 5 June, and another field hospital, operating from a mosque in Al Zankoufa village, was hit on 13 June. The field hospitals were providing first aid to the sick and wounded and were staffed by volunteers and several doctors and nurses. Throughout December 2012 and January 2013, Government forces attacked field hospitals in Yarmouk Camp, Damascus. Fayiz Halwa and Al Basil hospitals were repeatedly hit with mortar fire, causing extensive damage to their infrastructure and ability to provide medical aid.

11. Al Huda private hospital in Sbaneh, Damascus was shelled on 25 July 2012. As well as a floor dedicated to wounded fighters, the hospital contained a maternity ward and an

emergency trauma care unit. Survivors and eyewitnesses believed the hospital was deliberately shelled from a Government military base in Mount Qassioun. The Al Majana private hospital in Ariha, Idlib, was hit by rocket fire on 28 August 2012. The attack damaged the emergency wing. The following day on 29 August, Government and pro-Government forces raided the hospital, destroying equipment, harassing the medical staff and accusing them of providing medical treatment to anti-Government armed group fighters. One doctor present during the attack explained, "If doctors treated opposition fighters, they were considered to be part of the opposition." Al Saeed private hospital in Al Arfi, Dayr az Zawr treating wounded civilians and fighters alike was repeatedly targeted between 19 July and 26 November by Government forces positioned on the bank of the Euphrates River. It was shelled on five occasions, injuring numerous patients and medical personnel. The hospital closed due to damage suffered.

12. In 2013, hospitals in Dara'a came under concerted attack. Since February, after Government forces withdrew from Jasem, field hospitals inside the town have been repeatedly shelled and aerially bombarded. Doctors and medical volunteers operating the field hospitals have been forced to relocate every few days to avoid being targeted. Since February, field hospitals in Tariq Asad in Dara'a Al Balad have been shelled almost continuously, killing doctors and patients. As such attacks continue, field hospitals have literally been driven underground, forced to operate in the basements of houses.

13. Anti-Government armed groups have also attacked medical facilities. On 14 April 2012, 250 Al Farouk Brigade fighters attacked the National Hospital in Jurat Al Shayyah, as part of a military offensive on Homs city. After several days' resistance from Government forces, the Al Farouk Brigade took control of the hospital. The Brigade took no precautions to avoid civilian casualties or to protect the sick and wounded during the attack. Government forces responded with aerial bombardment, which largely destroyed the hospital on 17 April.

14. In a recent incident, in late May 2013, anti-Government armed groups attacked the National Hospital in Dara'a, causing considerable damage. A member of the FSA brigade that carried out the attack on the hospital said that his group believed that there were approximately 50 patients in the hospital, and that all were affiliated with the Government. When orders were given to attack the hospital, none of the fighters involved protested that it was a protected object and no warnings were given prior to the attack.

III. Endangering hospitals

15. Placing military objectives in hospitals constitutes a failure to take all feasible precautions to protect civilians from the effects of attack. Such acts also contravene the fundamental obligation to respect and protect medical units. Using hospitals, outside their humanitarian function for acts harmful to the enemy, such as sheltering able-bodied combatants, storing arms or ammunition, as military observation posts or shields for military action, leads to a loss of their protection, exposing such hospitals to a risk of attack. This may prevent the impartial provision of medical treatment, endanger patients and medical professionals, and compromise the humanitarian function of medical facilities. Ultimately, this has a grave impact on the fulfillment of the obligation under common article 3 to care for the sick and wounded. Further, failing to respect the emblem of the Geneva Conventions undermines its protective purpose.

16. On 22 March 2011, Government forces entered the National Hospital in Dara'a city, cleared the hospital of non-essential medical staff and positioned snipers on the roof of the hospital overlooking the Omari mosque. The following day, the snipers fired on protesters. Snipers remained stationed on the National Hospital until May 2013, firing on sick and

wounded persons attempting to approach the hospital entrance. Security forces also continued to occupy the hospital until that date, ensuring only Government soldiers or civilians from Government-controlled areas of Dara'a received care. In late May 2013, anti-Government armed groups attacked the National Hospital in Dara'a.

17. As Government forces withdrew from Jasem in February 2012, Military Security retained control of Amal Hospital until 28 April 2013. At least three tanks were stationed in its courtyard, yet the hospital remained operational.

18. In Homs, Government forces conducted hostilities from several hospitals. In April 2012, Government forces established two military checkpoints at the perimeter of Al Rastan hospital. Following attacks by opposition fighters, Government forces occupied the hospital, positioning military personnel, snipers and tanks within the hospital grounds. By October 2012, the sick and wounded could not approach the hospital for fear of being fired upon, stating, "the hospital has become a military base." Since at least December 2011, Government armed forces have been positioned inside the National Hospital in Al Qusayr, Homs Governorate. In 2012, wounded and sick persons seeking medical care were hit by sniper fire from the hospital. Passersby and nearby residents were also targeted. As the Government began its Al Qusayr operation in May 2013, it positioned tanks and heavy artillery within the hospital. Snipers, tanks, armoured personnel carriers and heavy artillery were also placed around and inside Abdul Qadir Al Shaqfa Military Hospital in Al Waer, Homs. According to former hospital staff, the hospital was used to launch attacks on Al Waer and Jurat Al Shayyah neighbourhoods in May 2013.

19. Accounts from June 2012 describe the occupation of the National Hospital in Al Haffe, Latakia by soldiers and military personnel. Snipers positioned on the hospital roof targeted all those approaching the hospital, preventing access to medical treatment.

20. In September 2012, a Free Syrian Army (FSA) brigade in Mo Hassan, Dayr az Zawr, established a compound in an elementary school, exposing the field hospital located in the adjacent high school to attack. On 9 September and 29 September, the schools were targeted by airstrikes from fighter jets, causing significant damage to the field hospital. During the FSA offensive on Helfaya, Hama, around 18-20 December 2012, another FSA brigade attacked checkpoints surrounding the National Hospital, gaining control of the hospital. The National Hospital had been used as a base by Government forces.

IV. Targeting of medical personnel and transport

21. One of the most insidious trends of the armed violence in Syria has been the targeting of healthcare personnel. Ambulance drivers, nurses, doctors and medical volunteers have been attacked, arrested, unlawfully detained, and disappeared. Anti-terrorism laws issued on 2 July 2012 effectively criminalised medical aid to the opposition. Laws 19, 20 and 21 contravene the customary international humanitarian law rule that under no circumstances shall any person be punished for carrying out medical activities compatible with medical ethics, regardless of the person benefiting therefrom.

22. From April to June 2011, Government forces carried out a wave of arrests against medical professionals in Damascus. In April, five doctors working at Al Fateh Hospital and Al Mowasah University Hospital were arrested and detained after they refused to comply with Military Intelligence orders to deny treatment to injured protesters. Three doctors were tortured in Air Force Intelligence custody. Security forces arrested and mistreated a pharmacist in Mouadamieh, accused of providing treatment to protesters. In June 2011, two doctors working at the Tishrin Military Hospital were summoned to Military Security Branch 291 in Kafr Sousa, where they were detained, interrogated about their activities in

support of demonstrators and ill treated. Upon release, the Military Services Administration discharged them from duty.

23. Intelligence and law enforcement agencies have forcibly disappeared medical personnel providing treatment to perceived opposition supporters. From June 2011 until early 2012, Government security services repeatedly raided Bab Sbaa National Hospital in Homs, arresting doctors and nurses. One nurse explained that “at one point there were no more doctors left in the hospital.” During 2012, Government forces conducted a wave of arrests and extra-judicial executions of medical personnel working at Aleppo’s opposition affiliated Al Zarzou Hospital. In June 2012, Air Force Intelligence arrested three medical professionals at the hospital. Their burned bodies were found three days later. In July 2012, Dr. Nur Maktabi, a senior doctor at Al Zarzou Hospital went missing. In December 2012, he was found dead. A surgical assistant at Al Zarzou Hospital disappeared in October 2012. In mid-December 2012, the hospital’s anaesthetist disappeared at a Government-controlled checkpoint on his way home from Aleppo.

24. In early 2012, a doctor was arrested by soldiers of the 6th Division while treating patients at a state hospital in Idlib. In February 2012, Government forces arrested a doctor who treated FSA soldiers at Meydani Hospital in Latakia. On 28 June 2012, police in Damascus arrested, detained and subjected a nurse to psychological torture while interrogating her about patients she had treated.

25. Persons who received treatment in field hospitals often faced arrest and interrogation as to the names and locations of the hospitals and doctors who provided them with medical care. This has led to the arrest of doctors, as recorded in Dara’a in April and July 2011. In 2012 and 2013, doctors operating in field hospitals in Homs were allegedly declared wanted persons by Government security forces for providing support to the opposition. After a Government forces ground operation on Al Haffe, Latakia in June 2012, pro-Government militia fighters killed a doctor working at the field hospital operating in a mosque in Al Zankoufa village.

26. Persons delivering medical supplies have also been targeted. In March 2012, Government security forces reportedly listed a pharmacist who established first aid clinics in Idlib as a wanted terrorist and member of the armed opposition. In August 2012, officers at a Government checkpoint in Athman, Homs, stopped and searched an ambulance delivering medical supplies. The driver of the ambulance was taken to an intelligence service detention facility. Two weeks later, the National Hospital in Dara’a released his body, bearing extensive injuries consistent with severe torture.

27. Since the beginning of the conflict, at least 20 Syrian Arab Red Crescent volunteers have been killed, in some cases by sniper fire, while aiding the wounded or delivering relief supplies. Dozens others have been arrested and detained by the Government. On 7 September 2011, a Red Crescent ambulance evacuating wounded civilians was attacked next to a Government checkpoint in Al Hamediyah, Homs, killing one paramedic and injuring three others. In May 2012, the Syrian Arab Red Crescent unit in Azaz, Aleppo discontinued frontline work having suffered consistent sniper fire while attempting to evacuate the wounded. Also in May, the Red Crescent office in Azaz was shelled. In July 2012, a Red Crescent volunteer was killed by a sniper near Abdel Aziz mosque in Dara’a city’s Al Mahatta neighbourhood, while carrying out humanitarian duties. On 24 August 2012, a Government sniper shot and injured a Red Crescent nurse near Al Omari mosque in Dara’a. The sniper was located 200 metres away and would have seen his uniform and distinctive emblem. In early September 2012, a sniper in Al Midan neighbourhood in Aleppo city shot a medical emergency worker in full medical uniform and holding a medical bag bearing the Red Crescent logo. In March 2013, Government forces seized a Red Crescent ambulance in Jobar, Damascus. The ambulance personnel, all in uniform

bearing the Red Crescent emblem, were arrested and detained by security services for 10 days.

28. Recently, a Syrian surgeon working in an Aleppo hospital operated by Médecins Sans Frontières, was killed. His body was found on 3 September 2013. He had been treating victims of the conflict.

29. The clearly established pattern indicates that Government forces deliberately target medical personnel to gain military advantage by depriving the opposition and those perceived to support them of medical assistance for injuries sustained. While Government harassment and targeting of medical personnel continues, it appears to have diminished in 2013 because a considerable number of doctors have left the country or accepted the restrictions that security forces imposed on hospitals.

30. Other doctors have left Government-controlled areas and attempted to ensure continuity of medical care in opposition-controlled areas. However, there are increasing indications that certain anti-Government armed groups also fail to respect medical personnel. In late April 2013, the head doctor of a field hospital in northern Aleppo city was detained by members of Jabhat Al Nusra after he refused to display their banner in the hospital, insisting that the hospital was a neutral space. The doctor was held by the Sharia Committee for several days.

31. The Commission documented one case in which an armed opposition group targeted an ambulance. This occurred on 16 August 2013, when Hamad Abd al Jalil Battalion fighters attacked a Kurdish Red Crescent ambulance in Al Hasakah, killing the patient, the ambulance driver and paramedic. Before firing upon the clearly marked ambulance, the fighters had targeted it with an IED on the Ras Al Ain - Desbasiyeh road.

V. Interference with care and ill-treatment

32. Security forces have arrested and detained wounded persons in medical facilities, claiming bullet or shrapnel wounds as evidence of participation in opposition activities. The overbroad formulation of Law 19, article 10 allows its application in a manner that requires doctors to inform on patients in all cases, which is inconsistent with international humanitarian law's insistence that "persons engaged in medical activities shall not be compelled to perform acts or to carry out work contrary to medical ethics or to other medical rules designed for the benefit of the wounded and sick". In several instances, medical personnel refused to treat persons for fear of arrest. In Aleppo, Damascus, Dara'a, Dayr az Zawr, Hama, Homs, Idlib and Latakia governorates, wounded and sick persons were denied treatment on sectarian or political grounds by Government forces. Healthcare has become militarized to the extent that many in need elect not to seek medical assistance in hospitals for fear of arrest, detention, torture or death. Through such measures, the Government has deliberately obstructed the efforts of the sick and wounded to receive help.

33. In exploiting medical care to further strategic and military aims, Government forces have engaged in agonizing cruelty against the sick and wounded. The Commission has recorded consistent accounts spanning the conflict of the ill-treatment and torture of persons in military hospitals. There are strong indications of collusion between military hospitals and various security agencies in the use of torture.

34. Between April and August 2011, security officers, at times with the involvement of medical personnel, beat persons in the emergency trauma ward of the Military Hospital of Tishrin, Damascus. Most victims of this ill-treatment were protesters that had been injured by Government forces.

35. The Military Hospital of Aleppo contains a detention ward operated by the Aleppo Military Security branch. According to former doctors and medical personnel who worked in the hospital between November 2011 and December 2012, patients in this ward are heavily guarded by security officers, chained to their beds and blindfolded. Security personnel act as intermediaries between patient and doctor, often obstructing medical care as a torture and interrogation tactic.

36. Former patients, doctors and medical personnel have consistently described the alarming treatment of persons in Military Hospital No. 601 in Al Mezzeh, Damascus. Accounts indicate that some medical professionals have been co-opted into the maltreatment. Since 2011, Military Security, Military Intelligence, Air Force Intelligence, the Security Department of the Syrian Army's 4th Division and the Republican Guard have brought detainees to separate security wards inside the hospital. Detainees, including children, have been beaten, burned with cigarettes, and subjected to torture that exploits pre-existing injuries. Many patients have been tortured to death in this facility.

37. Consistent accounts from Abdul Qadir Al Shaqfa Military Hospital in Al Waer, Homs, indicate that security officers tortured persons brought for medical treatment from April 2011 to September 2012. Doctors were ordered to keep victims alive so that they could be interrogated further. Eyewitnesses describe how patients were chained to their beds and blindfolded, provided minimal food and water and subjected to harsh treatment.

VI. Conclusion

38. Violence against healthcare has significant compound effects, causing dramatic increases in mortality among the sick and wounded. The breakdown of medical services in wartime disproportionately affects vulnerable segments of the population, such as children under the age of five, nursing mothers, the disabled and elderly. In Syria, their suffering is exacerbated by the conduct of the parties to the conflict. As documented in the Commission's previous reports, both Government forces and anti-Government armed groups have employed siege warfare, preventing the passage of humanitarian aid and basic necessities, including medicine and medical supplies. Such tactics have long-term repercussions on the ability of entire communities to treat war-related and chronic healthcare problems.

39. Syria's healthcare system has fragmented along conflict lines. According to UNRWA, 32 of the country's 88 public hospitals have closed. Twenty-six of those closed are in Aleppo, Damascus, Homs and Dayr az Zawr, the four governorates most affected by the conflict. The Government reported in March 2013 that 10-15% of doctors have left the country. In contested areas, the healthcare system has largely fallen apart and is being replaced by an improvised, inadequate system, constantly at risk of attack by Government forces. Hospitals that remain operational under Government control often lack impartiality.

40. Government forces have abused the vulnerable, the wounded and the sick, exploiting their need for medical aid to further military aims. By attacking medical facilities, using hospitals as bases for military action, targeting medical personnel and interfering with patients receiving treatment, Government forces have perpetrated a concerted policy of denying medical aid to those affiliated with or part of the armed opposition. The first efforts to humanise warfare focused on the protection of the sick and wounded and those providing them with care. The incidents and patterns recorded reveal that the actions of the Syrian Government from 2011 to date have been a cynical betrayal of this fundamental principle.

41. The documented incidents of anti-Government armed group attacks against hospitals are of grave concern, as they demonstrate a disregard for the specially protected status of

healthcare facilities and a failure to take precautions to avoid civilian casualties and protected the sick and wounded.

42. The Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic reaffirms its recommendations (A/HRC/24/46) regarding the need to ensure the protection of civilians and compliance with international humanitarian law. The parties to the conflict must respect the special protection afforded to medical facilities and personnel. The Commission entreats the Government to fulfill its obligations under international human rights law to ensure the right to health, a right that is closely and inextricably linked to the rights to life, human dignity, non-discrimination, equality and the prohibition against torture and ill-treatment.

Annex VIII

[English only]

Map of the Syrian Arab Republic

